

ЛАГЕРЬ

Алексей Юрченко

18+

Алексей Юрченко

Лагерь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42818284

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5320-9941-8

Аннотация

Маленький народ, объявив о своей независимости, погрузился в пучину революции и вялотекущей войны. Отныне Республика – государство-анклав, со всех сторон окруженная прошлой хозяйкой территорий – могущественной Державой. Для запугивания нации враг проводит регулярные казни, сбрасывая пленников с самолета прямо на Центральную площадь Республики. Пятнадцатилетняя Юлия, дочка одного из лидеров революции, в надежде впервые увидеть казнь, забирается на заброшенный чердак дома и находит там беглого пленника Антона. Решив спасти врага, она не подозревает, чем все может обернуться.

Содержание

Часть 1	4
1	4
2	7
3	17
4	19
5	28
6	47
7	49
8	62
9	70
10	72
11	80
12	95
13	97
14	105
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Часть 1

1

Закончилась четвертая зима войны. Через пару месяцев, в мае, мы будем отмечать пятилетие нашей борьбы. Будем отмечать с размахом, будто она скоро закончится. Так сказал папа. Я не верила бы ему, не будь он одним из предводителей нашего сопротивления. Меня даже не смущало, что фраза о неизбежности победы повторялась изо дня в день. В наших краях уже стали здороваться восклицаниями о скором триумфе армии нашего маленького народа. Помню, как за день до Революции папа поднял меня своими могучими ручищами к потолку, потом сел на стул и посадил к себе на колени. Его бледные каштановые глаза смотрели на меня с восторженным возбуждением. Губы растянулись в широкой улыбке. В тот момент на кухню зашла мамочка и вопросительно взглянула на папу. Он продолжал разглядывать меня, словно подпитываясь таким образом какой-то неизведанной энергией, которая ему должна была понадобиться в будущем.

– Ну, разве наша Юля не достойна лучшей жизни? – спросил он маму.

Я продолжала болтать ножками и умилительно просила отпустить меня, хотя в тайне желала, чтобы отец меня еще

помучил.

Мама с усмешкой смотрела на свою одиннадцатилетнюю дочку, хмурившую лоб и машущую тонкими ручонками, и красивого военного с короткой стрижкой, образцовой выправкой и твердыми правильными чертами.

– Хватит, Сереж. Видишь, ей не нравится, – произнесла она спокойно, но теперь мне кажется, что тогда ее голос дрожал. Она знала, что завтра должно произойти что-то непоправимое, то, что изменит нашу жизнь, наши мысли, наш быт. Ей было страшно. Мамины опасения оправдались в полной мере.

– Карина, ты считаешь, что ради такой жизни наши предки воевали, писали книги на родном языке и преподавали его в каждой школе? Чтобы мы растворились в общей массе этой державной нечисти?

– Пойдем спать, милый. Завтра намечается такой важный день для всех нас. Мы должны быть отдохнувшими, – она подошла ближе и обхватила шею папы, который, поставив меня на пол, обнял мамочку.

Я, поняв, что эта минута – нечто очень важное для моих родителей, решила не разрушать их объятия и стояла в стороне. Папина широкая ладонь скользнула по длинной белой маминой шее к черным волосам. Ласково поглаживая ее густые локоны, он стал что-то ей нашептывать. Вторая его рука легла на ее небольшой животик, в котором уже зарождался мой братишка. Мама в ответ еще сильнее сжала объятия во-

круг папы. Ее щеки залил алый румянец. Они замерли, боясь прогнать настигнувший их прилив нежности.

– Я все равно не усну, – едва слышно произнес папа.

– Я тоже, – ответила мама.

На следующий день пришла война...

2

Это было давно. Почти пять лет назад, если измерять простыми стрелками часов. Если применить теорию относительности, то сквозь призму военных действий времени прошло гораздо больше. Сейчас мне пятнадцать. Несмотря на периодические взрывы, стрельбу и мародерства, я хожу в школу, в девятый класс. Конечно, это трудно называть школой в полном ее понимании. Нас всего несколько детей на одну нашу любимую учительницу Людмилу Петровну. Учимся мы в крохотном подвальном помещении многоэтажки, где раньше стояла котельная. Но военная администрация города обещала выдать настоящие сертификаты об окончании девяти классов. Мы с мамой, папой и младшим братом живем в небольшом одноэтажном доме на две квартиры. Правда, вторая квартира полностью уничтожена попавшим снарядом. Одинокая бабушка, жившая там, умерла мгновенно. В нашей квартире тогда упала только одна балка, чудом не задевшая кровать Славика. Теперь вторая часть нашего дома – это груда осколков кирпичей и сплетенные в узлы истлевшие бревна.

Я вприпрыжку, полная веселья и радости, вбежала на кухню, где мама в потрепанном шерстяном розовом халатике с присущей солнечной игривостью напевала мелодию и готовила мне завтрак. Мамочка старалась никогда не унывать.

В нашем сером полуразрушенном здании она была той звездочкой, что озаряла потертые обои, старый телевизор и всех нас. Я не знаю, как ей это удавалось. Ее любви к нам, к жизни хватало всегда вне зависимости от обстоятельств. Она – наш генератор, вырабатывающий надежду на лучшее и заставляющий не впадать в уныние от настоящего. Ее любовь может быть жизнерадостной и искрящейся, иногда – чуткой и трогательной, когда, например, погибал очередной знакомый. Но ее волшебным чувством был наполнен весь наш дом. Правда, последнее время ее светлые чувства стали постепенно угасать. Жаркое пламя войны выжигало и ее.

Сегодня после двухнедельного перерыва начинались занятия. Мы никогда не прерывали обучения с учительницей, все единогласно отказались от каникул, так как учеба была чуть ли не единственным развлечением.

– Наша Люда уже полностью здорова? – спросила я, усаживаясь за стол.

Людмила Петровна подхватила какую-то серьезную инфекцию и пролежала взаперти почти две недели. С учетом роста эпидемий непонятного происхождения в городе нас, детей, не пускали проводить любимую учительницу. Мы с ребятами ограничивались только передачей веселых самодельных открыток с самыми искренними пожеланиями и советами по поправлению здоровья.

– Прекратите называть учительницу «Наша Люда». В университете ты тоже будешь своих преподавателей так назы-

вать?

Мама любила мечтать о моем будущем. Наша небольшая, уставшая от войны страна не могла похвастаться институтами, но все это казалось временными неудобствами. По крайней мере, для нее.

Завтрак повторялся уже несколько лет – овсяная каша с вареньем или реже с сухофруктами, поступавшими в страну секретными путями. Тем не менее я ела ее с превеликим удовольствием. Тяжелая металлическая ложка звонка скребла по тарелке, забирая остатки пищи. Последнее время с поставками товаров в страну мы имели большие трудности. Держава стала активно применять к нам продовольственную блокаду, которая заключалась в жестоком наказании всех, кто торговал с гражданами самопровозглашенной Басарской Республики. Нам, как стране, со всех сторон окруженной Державой, оставалось лишь опираться на собственные ресурсы и надеяться (не без основания) на продажность державных военных, время от времени пропускающих к нам грузовики с провизией.

Я выскочила на улицу. Радостно встретившее меня солнце играло косыми лучами в широких лужах, оставшихся после вчерашнего дождя. Слабый ветерок тут же вплелся мне в волосы, приподнимая их кончики над плечами. Утро выдалось спокойным и подающим надежду, что день пройдет без выстрелов.

На пороге меня ждал мой школьный друг и товарищ Да-

ник в старом пиджаке пепельного цвета и широких вельветовых штанах. Он радовался выздоровлению нашей Люды и очередному учебному дню не меньше меня. Его белые ровные зубы, казалось, пускали блики на солнце. Наши семьи уже давно сватали нас, хотя поводов особых я не давала. Но мне нравился Даник. Смуглое широкое лицо с яркими голубыми глазами, могучие плечи. Всегда решительный, борец за справедливость. Я бы ощущала себя с ним защищенной. Но Даник любил меня гораздо отчаяннее и более открыто, чем я его. У меня порой это вызывало чувство огромного стыда и неприязни к нему за размеры его любви ко мне. Потом я вспоминала, что я девочка и имею право перебирать все варианты потенциальных мужей и успокаивалась. Но все это женские безумные умозаключения, и давайте не будем о них. Все равно ничего толком не выясним.

Даня каждое утро ждал меня у порога, чтобы довести до школы. Мы сидели с ним за одной партой, а его отец верой и правдой служил сопротивлению и был, наравне с моим, живой легендой Революции. Мы, к слову, дружили семьями (правда, Даник рос без мамы и воспитывал его только отец, но, когда они заходили к нам в гости, дефицит материнской любви с лихвой восполнялся моей мамочкой). Как вы понимаете, мы с Даней были обречены на молву о свадьбе и о наших прекрасных, как я, и мужественных, как мой будущий супруг, детишках.

Мы ходили в школу по одному маршруту: мимо разру-

шенной часовни к улице героя Революции Стаса Волохова, потом к Дому Правительства и через парк жертвам террора и площадь Свободы.

– Молельню собираются восстанавливать, – произнес Даник своим звонким тяжелым голосом.

– Папа говорил, что в правительстве, – я указала на трехэтажное единственное отреставрированное здание, будто Дания не знал, как оно выглядит, – до сих пор не могут определиться, поддерживать институт веры или нет. Как думаешь?

Даник перепрыгнул глубокую лужу в расщелине асфальта и галантно подал руку.

– Полагаю, – он всегда о подобных вещах говорил серьезно и до одурения деловито, будто сам принимал такие решения, хотя по сути просто копировал жесты, мимику и мысли своего отца, – полагаю, что неподдержка веры может стать одной из ужасных, если не сказать фатальных ошибок Республики.

Я улыбнулась. Я обожала, когда он умничал. В такие моменты воображение произвольно рисовало картинку будущего, где Дания заседает в правительстве, а я – первая леди с высокой прической и в роскошном платье с кружевными вставками.

– Ты посмотри вокруг, – не унимался Дания и ткнул пальцем на бывшее здание суда, от которого остались лишь боковые стены, а внутри – только хлам из бетонной крошки,

битого стекла и извилистых копий арматуры, – во что им верить, когда нас пять лет грабят, расстреливают и бомбят?

– В победу Революции, – осторожно выговорила я напрашивающийся ответ.

Даня замолчал, а лицо его вмиг стало тусклым. Вскоре мы вышли к парку.

– Безусловно! – внезапно вскрикнул он. – Но мы видим, что бой затянулся, и Революция становится чем-то недостижимым.

– Ты сомневаешься в завоевании нами независимости?

– Нет. Что ты? Конечно. Но институт веры станет для народа гораздо более надежной опорой. Тем более когда пачками гибнут наши люди, без веры никак нельзя.

– А мне кажется, что если правительство начнет политику уничтожения веры, то это будет самый обычный геноцид. Геноцид свободы. Глупо получается: столько боролись за свободу, но, получив ее, начали сужать ее рамки.

Даник вновь нахмурился. Ему не нравилось, что какая-то девчонка строит более изящные и интересные мысли, нежели он. Меня это ужасно веселило, хотя и стало жалко этого большого сильного парня с лицом обиженного ребенка.

– У меня сумка тяжелая. Поможешь?

– Да, конечно, – он выхватил у меня рюкзак и важно расправил плечи.

Мне стало еще веселее. Впервые захотелось обнять такого ранимого и наивного моего Даника.

Остальной путь мы прошли молча, каждый в своих мыслях. Мы забежали в класс как всегда с опозданием. Наша Люда в белой кофточке, подчеркивающей ее узкую талию, и черной прямой юбке до колена стояла у учительского стола и что-то рассказывала. Лицо и ладони были у нее неестественно бледными – болезнь еще не отступила. Но она не могла больше терпеть разлуку с нами.

Давайте я расскажу вам о нашей учительнице. Она милая. Знаете, есть такие женщины, про которых не скажешь, что они писанные красавицы, но они притягивают к себе мужчин похлеще любой королевы красоты. У всех таких милых женщин есть пара схожих черт: маленькое кукольное личико, кроткий, но заигрывающий взгляд, неувядающий оптимизм и изысканные манеры. Вот наша Люда именно такая. У нее тяжелая судьба (хотя кто может похвастаться в наше время ее легкостью?). Ее мужа, командира роты, убило еще при штурме Дома Правительства. Сын умер от тифа в первые самые трудные месяцы войны. Людмила Петровна была сиротой и в разгар ожесточенных боев осталась совсем одна. Знаете, каково это, остаться одной, когда все твои соседи думают только о себе, о собственной жизни? Вообще во время войны все человеческие качества проявляются гораздо отчетливее, чем при повседневной жизни. Лакмусовая бумажка. Самая жестокая и беспристрастная лакмусовая бумажка. Так вот, Людмила Петровна, оставшись наедине с собой, не имея средств к существованию, пожелала пойти на фронт.

Она обратилась к моему папочке (ходят слухи, что они с папой встречались, пока он не познакомился с моей мамой). Он решительно ей отказал в участии в боях, хотя она настаивала именно на этом. Папа предложил пойти в госпиталь (тогда он был полевым, сейчас из-за вялой текучести боев его преобразовали в одно из отделений центральной городской больницы). Ощущение собственной значимости в первый день кружило ей голову. Она весь день хлопотала над больными, которые лишились конечностей, потеряли память или которым обезобразило лицо. Наверное, она видела в них собственного сына и мужа. К концу смены минометный снаряд угодил точно в госпиталь, уничтожив семнадцать человек, включая персонал и пациентов. Людмила Петровна отделалась легкой контузией и несколькими шрамами. Казалось, смерть подбирается именно к ней. Она уничтожила ее мужа вместо нее, затем забрала сына, хотя желала обладать именно ней. Потом этот снаряд. И все за полгода. Выздоровев и совершенно отчаявшись, она купила на черном рынке пистолет и самостоятельно двинулась к линии фронта. Ее самолично остановил мой папенька. Взъерошенная, обезумевшая, с водопадом слез и пистолетом на вытянутой руке, она шла по чистому полю в пасть врага. Увидев свою былую любовь, папа без промедления побежал за ней. Представляете, один из руководителей сопротивления, считавшийся чуть ли не главной мишенью Державы, оказался в поле, которое простреливалось со всех сторон. Папа повалил ее на землю,

когда на том конце раздались первые автоматные очереди. Обратно в штаб они добрались, только когда стемнело. Мне кажется, этот поступок папеньки по-настоящему вернул нашу Люду к жизни. Именно папа потревожился в правительстве об оборудовании школьного кабинета под руководством Людмилы Петровны с выделением ей небольшого жалования.

– Даниил, Юлия, потрудитесь объяснить причины опоздания, – учительница иногда любила говорить официально и твердо, но не для того, чтобы напугать, а для того, чтобы мы все ощущали, что пришли в школу.

Мы постоянно с ним опаздывали. И как у нас это получалось, я никогда не понимала.

– Они свадьбу свою будущую планировали! – выкрикнул Кирилл – главный наш выскочка и бездельник, который к тому же безумно ревновал меня к Данику, хоть и старался не показывать этого. Он был гораздо симпатичнее Дани, но характер имел просто невыносимый.

По партам расселись все восемь детей. Не хватало лишь меня и Дани. Людмила Петровна обернулась, едва заметно улыбнулась нам, словно представляя наше бракосочетание, и указала на первую парту.

– Нам поручили в честь пятилетия великой борьбы организовать номер на праздничный концерт. От школьников нашим героям и простым людям, живущим в это непростое время. Концерт пройдет на Центральной площади города, –

произнесла учительница, захлопнув перед этим журнал с отметками, – есть идеи?

3

Все на свете очень хрупко. Наша жизнь прекрасно это демонстрирует. Кто или что угодно может исчезнуть в любой момент. Ты проснулась, а знакомой из дома в квартале от тебя не стало. Да и дома самого не стало. И ты вроде слышала ночью оглушительный взрыв и понимала, что это рядом, но перевернулась на другой бок, накрыла голову подушкой и уснула. А наутро ты плачешь от отчаяния, ненавидишь Державу, иногда проклинаешь революционеров, что начали эту катавасию. Но самое ужасное, что постепенно начинаешь привыкать ко всему этому. Твоя горечь и злоба становятся дежурными и больше проявляются внешне, а внутри уже нет той бури, что разрасталась раньше. Вдруг на чьих-нибудь похоронах приходит осознание, что все искусственно, а ты незаметно превращаешься в лицедея. Стираешь неискренние слезы и, обиженная на саму себя, тайком покидаешь панихиду. Идешь мимо развалин, которые даже любопытства уже не вызывают. Шагаешь по широким пустым улицам, местами туфли зарываются в месиво из расколотого асфальта, песка и мусора. По разные стороны стоят усталые ветхие постройки, в окнах мелькают чумазые детские лица. На каждой улице невольно находишь истерзанные мародерами после бомбардировки разрушенные дома. Некоторые жилища просто покинуты своими хозяевами, согласившимися уйти в

Державу ради спокойствия. На душе становится совсем муторно. Выходишь на Центральную площадь – каблуки цокают по недавно выложенной плитке. Площадь настолько величественна, что непроизвольно сжимаешься и чувствуешь себя насекомым. Грандиозное с колоннами здание Правительства важно и деловито смотрит на тебя своими большими окнами с широкими рамами. Правее стоит метров в шесть бронзовый памятник воину-освободителю. Высокий скуластый мужчина с автоматом наперевес, воинствующим оскалом и пугающим взором. Еще правее – аккуратный фонтан, ждущий лета, когда его наконец наполнят водой и он сможет журчать и веселить ребят. Рядом с Домом Правительства неизменно спешно ходят мужчины в военной форме или костюмах с серьезными лицами и папками под мышкой. Настроение чуть приподнимается. В груди (как бы я ни упиралась) начинает разгораться пламя надежды на светлое будущее. Покидаешь площадь и продолжаешь вести свой путь среди разрухи. Становится одиноко. Одиноко и грустно. Потом возвращаешься домой, где мамочка варит борщ, а Славик бежит обнимать свою сестренку, и на душе немного проясняется. Но при всем этом мне страшно. Всегда. Даже не перед смертью. Она кругом. К ней привыкаешь. Скорее, перед тем, что все это никогда не закончится. Вот чего по-настоящему боишься.

Дебаты о том, что будем готовить к празднику, продолжались весь учебный день. Предложений поступила масса. Кто-то выступал за театральную постановку о штурме Правительства в первый день Революции, кто-то за зажигательный развеселый масштабный танец в военной форме. Но выбрали мой вариант с хором. Детский хор всегда завораживает и вселяет в людей самые возвышенные чувства. А если еще поработать над костюмами и добавить элемент шоу, то наше выступление вообще обязано стать гвоздем программы.

После школы я поспешила домой похвастаться маме о том, что именно мою идею одобрила Людмила Петровна. На кухне сидел папа с отцом Дани.

– Здравствуйте, дядя Никита! – звонко прокричала я.

Папа с дядей Никитой подняли на меня свои мутные глаза. Оба были сильно пьяны. Это беда всех мужчин нашей страны. Мама говорит, что алкоголь – единственное противоядие от повального сумасшествия среди мужского населения на почве ужасов войны. Думаю, она права. Папа и так за эти пять лет сильно осунулся и исхудал, лицо приобрело нездоровый красноватый оттенок. Дядя Никита, до сих пор трудно переживающий потерю жены, стал выглядеть еще хуже. На фотографии пятилетней давности, что висела в зале,

было не узнать нынешних друзей и предводителей Революции, что сейчас пьянствовали вдали от линии фронта. Беседа между лучшими друзьями шла как раз об одиночестве дяди Никиты.

– У Даника должна быть мама. Ты бравый военный, символ Революции. У тебя отбоя не будет, – тяжело ворочая языком, рассуждал мой отец.

– Я понимаю, – дядя Никита обнял и папу за плечи и подтянул к себе, – но куда девать то, что внутри? – он сжал руку и ударил себя кулаком в грудь.

– Чувства. Чувства, сука! – папа со всей силы грохнул кулаком по столу, и водка из стакана расплескалась на скатерть. Он пристально взглянул на меня. Я ненавидела этот туман, который так часто последнее время оседал в папиных впалых глазницах.

– Закопай их, – грозно проговорил он. Меня почему-то передернуло, словно это относилось и к его чувствам ко мне.

– Закопать? – дядя Никита повернулся вплотную к папе, и они, упершись лбами, некоторое время смотрели друг на друга.

– Да, закопай глубоко. И жди, пока чувства перегниют.

– И превратятся в удобрения.

– Точно, – папа весело расхохотался.

В этот момент дверь в кухню открыла мамочка, сосредоточенная и сердитая. Она подошла с тряпкой к столу и старательно убрала разлитую водку, хлебные крошки и пустую

банку с сардинами.

– Карин, как считаешь? – спросил папа, повернувшись к ней.

Мама явно злилась, но старалась этого не показывать. Подобные посиделки стали распространенным явлением на нашей кухне. Изрядно захмелевшие лучшие друзья не замечали маминой сердитости.

– Мальчики, по-моему, вам хватит, – сказала она и выхватила бутылку из рук папы.

Папа взглянул на своего друга, пожал плечами, показывая, что, мол, слово хозяйки в доме закон, и произнес:

– Давай я тебя с Людкой познакомлю.

Мамочка, пряча бутылку в холодильник, на мгновение застыла – любые разговоры о нашей одинокой учительнице сильно ее раздражали.

– Так мы вроде знакомы.

– Видел один раз ее в школе. Разве это знакомство? Давайте поужинаем вчетвером. Что думаешь, Карин?

Мама посмотрела сначала на папу, потом на понурое лицо дяди Никиты, которому от выпитого трудно уже было даже сидеть.

– Пусть тогда и дети будут, – произнесла она и выскочила из кухни.

– Пригласишь на эти выходные Людмилу Петровну, Юля?

– Хорошо, – коротко ответила я и, словно подражая маме, возмущенная поведением папочки, пошла к себе в комнату.

Я разобрала школьную сумку. Уроков на завтра не задали, поэтому я легла на кровать и уставилась в стенку. Серые обои с выцветшими на них темно-синими розами, письменный стол с двумя полками, небольшой платяной шкаф для вещей и металлическая кровать на упругих пружинах – это вся моя комната. Хотя нет. Еще в углу на полу ютился небольшой аквариум с земноводной черепахой Фросей. Не об этом, конечно, мечтает девочка-подросток, но в наше время все может быть намного хуже. Многие военачальники живут гораздо богаче, но они нечисты на руку. Наш папа такого себе не позволит.

Дверь в мою комнату приоткрылась, и в проеме показалось крохотное лицо со вздернутым носом и смешными большими ушами. Брат вопросительно взглянул на меня своими ясными глазами, ожидая разрешения войти.

– Заходи, Слава, – сказала я, переворачиваясь на другой бок.

Всегда стеснительный брат на цыпочках приблизился к кровати и вложил свою руку мне в ладонь. Славик в свои четыре с небольшим года почти не разговаривал и боялся всего, чего только можно было бояться. Врач говорил, что такое случается после серьезного детского потрясения. Видимо, весь мир, куда он попал, стал для него потрясением.

Через стенку слышались тяжелые шаги мамы, затеявшей незапланированную уборку. С ней такое происходило. Знаете, когда кто-то из семьи бездельничал (а пьянство мож-

но отнести именно к этому), мама задумывала уборку, чтобы потом при предъявлении претензий с еще большей грозностью заявить, что я, вот, спину не разгибаю, а ты баклуши бьешь.

То ли от жалобного взгляда брата, то ли от поведения папы и мамы или, вероятнее, от всего вместе в груди больно кольнуло, и я почувствовала себя совсем одинокой. На мгновение показалось, что мы со Славиком сироты и ночуем в заброшенном доме на окраине города. Я пододвинулась в сторону, дав брату лечь рядом. Он стал расстегивать пуговицы на своей рубашке, думая, что уже пора ложиться спать и сестра разрешила ему переночевать у нее в комнате.

– Нет, Слава. Еще рано, – сказала я, улыбаясь и застегивая рубашку обратно.

Вдруг послышался протяжный громогласный рев мотора. Глаза брата округлились, и он стал крутиться по сторонам. Из его маленькой груди вырвался душераздирающий вопль, который почти полностью перекрывался оглушительным рокотом. Я резко обхватила руками голову напуганного Славика, прижала ее как можно сильнее к груди и закрыла его уши руками, всеми силами пытаюсь как можно скорее прекратить для него этот пронзительный гул. Вражеский самолет пролетел низко над самым городом. Но взрывов никаких не последовало. Это был плохой знак. Мои нехорошие предчувствия вскоре подтвердились.

– Листовки! Листовки! – послышался крик во дворе, и я

тотчас побежала в прихожую.

В дом ворвался перепуганный Даник со взъерошенными волосами и небрежно накинутой курткой. Дрожащими пальцами он сжимал стопку бумажек.

– Кто?! – вскрикнула я и хотела взять у него стопку, но руки Даню словно не слушались. Передавая мне пачку, он неуклюже растопырил пальцы, и листы разлетелись по полу.

Даник стоял в дверях, не шелохнувшись, и пытался отдышаться, пока я подбирала листовки у его ног. Вбежала моя мама, затем с грохотом в прихожую ввалились папа с дядей Никитой.

– Кто?! – грозно спросил на этот раз папа, хмель в голосе которого уже не слышался.

Даник, охваченный леденящим душу ужасом, с каменным лицом стоял в проходе и не мог произнести ни звука. Я собрала все листовки, поднялась и зачитала:

– Старший лейтенант Ерохин В.А., рядовой Галиулин В.В. и рядовой Симонов Л.А., – в горле застрял увесистый ком. Сразу три человека.

– Когда? – спросила мама, еле сдерживая надвигающиеся слезы.

– Завтра в 19.00, Центральная площадь, – ответила я.

– Они снова взялись за старое, – проговорил дядя Никита, тихо добавив: – Мы пойдем.

Взяв под руку еще не пришедшего в себя Даню, он вывел его на улицу. На побледневшем лице мамы проступила

первая слеза. Папа, зажмурив глаза, запрокинул голову к потолку и стал бормотать что-то невнятное. В прихожую вбежал Слава, испуг которого прошел вместе с отлетом бомбардировщика. Выхватив у меня пачку, брат убежал с новыми листками для рисования к себе в детскую.

Практика публичной казни военнопленных существовала в Державе с первых дней войны. Но не казнь где-то в столице Державы на глазах у местных жителей. Нет, все гораздо чудовищнее. Зачем пугать собственное население? Надо вызвать ужас у врага. Казнь проходила в столице нашей Басарской Республики на Центральной площади. Спросите, как Держава попадает на главную площадь страны? Ответ, мне кажется, очевиден. По воздуху. Военнопленных сбрасывают с бомбардировщика точно на вымощенную плиткой площадь. Но все не так просто. Их предварительно обвязывают взрывчаткой и взрывают, пока те не столкнутся с землей. Ошметки людей дождем из крови и градом из костей, хрящей и внутренних органов проливаются на Центральную площадь города. И предварительно вся страна посредством листовок узнает, когда это произойдет. Вот где действительно запрятана вся безжалостность державного режима. Ведь они могли просто неожиданно для всех вышвырнуть за борт пленника и улететь к себе на базу. Но им этого недостаточно. Они предупреждают каждого, что в такой-то день, в такое-то время ожидаются осадки в виде мелко разорванной человечины. И ты с этим знанием живешь. Кто-то закрывается дома, зашто-

ривает окна, прячет детей и не выходит на улицу, пока последние человеческие останки не будут убраны. Кто-то выбирает укромную обзорную площадку и с непонятными мне чувствами впитывает всю жестокую картину. В первый год войны по инициативе одного (простите меня, по-другому не могу выразиться) полоумного чиновника был выпущен указ, по которому «в целях поднятия всеобщей ненависти к Державе» к площади во время казни стягивали, как стадо баранов, простой народ. В истерике, всхлипах и обмороках толпа ужасалась увиденной жестокости. Слава Богу, вскоре эту дикость запретили. Отдельно остановлюсь на том, что все знали, кого именно разорвет в клочья над плиткой нашего города. И родственники, и просто знакомые. Мне кажется, это самая большая пытка для близких и самая большая «находка» для карателей Державы. Вы думаете, подобное варварство вызовет ненависть у родственников к Державе? Скорее всего, вы правы, только с одним большим «но». Держава далеко. Ее не видно. А ненависть любит, чтобы ее объект можно было потрогать. Помните, в чем суть всех детских споров после драки? Правильно. Кто первый начал? И приходит на ум одно: начали первые мы – жители Басарской Республики. А дальше мысли идут по одной истоптанной тропинке: « Подождите, я не начинал. Я вообще не знал, что будет Революция, пока не посмотрел новости. Я хотел перемен, но не такой ценой. Виновата та группка людей в камуфляжах, что устроила весь беспредел и которая сейчас у власти. Именно

она забрала у меня сына». И вот недавние тихие сторонники Революции начинают ненавидеть ее лидеров. Моего папу хотели убить дважды. Такие изменения происходят, конечно, не со всеми, но с пугающим постоянством. Смотреть на казнь многие родственники и близкие отказываются. Кому понравится, когда твоя родная плоть и кровь превращается в месиво? Кто-то приходит. Начинают смотреть стоя, а заканчивают лежа на грязной земле, беззвучно рыдая и захлебываясь настигнутыми страданиями в окружении толпы сочувствующих. Последний год прошел без казней. Целый год. А завтра разлетятся на куски сразу трое. Такого еще не было.

Учеба второй день вылетала в трубу. Если вчера все оживленно говорили о концерте и нашем выступлении, то сегодня полупшепотом и с тихим страхом внутри все беседы велись только о предстоящей казни.

Людмила Петровна, видя, как взволнован класс, особо не пыталась донести до нас науку. Мы общались на околовоеенные темы. Она рассказывала нам о героях войны, о патриотизме и жертвенности. Потом учительница втянула нас в дискуссию, о которой я хочу немного рассказать. Заодно со всем моим классом познакомитесь.

– Скажите, Людмила Петровна, вот если мой родственник погибнет во имя нашей Родины, смогу ли я любить ее так же, как раньше? – спросил Кирилл, наш вечный спорщик и зачинщик подобных горячих дискуссий. Причем, полагаю, ему нравился сам процесс спора, а на результат было все равно.

Наша Люда никогда сама особо не встревала в полемику. Она лишь деликатно направляла и подталкивала каждого из учеников на построение собственного мнения, которое мы обязательно должны были высказать перед всеми. Учительница загадочно улыбнулась и посмотрела за спину Даника, где сидел Аркаша, которого все называли «политолог». По сути, Аркаша не был великим эрудитом. Все, что он мог, – это хвастаться и во всех подобных спорах припоминать, что

он единственный, кто прочитал «Государство» Платона. Я обернулась и увидела, как в старом синем свитере и в очках с толстой оправой, с небрежной копной слипшихся жирных волос на голове тянул руку вверх наш политолог.

Людмила Петровна подошла к парте, где сидел Аркадий, и кивнула в его сторону.

– Если ты сам любишь свою Родину, то смерть близкого ничего не изменит в тебе. А даже наоборот.

Класс зашелся недовольным шумом.

– Хороша Родина, что отбирает у тебя близких! – выкрикнул Васька.

Васька дружил с Кириллом и сидел с ним за одной партой прямо перед учительским столом. Такой же оболтус и лентяй, как его друг, разве что чуть поспокойнее, и самый бедный из всех нас, чего совершенно не стеснялся, а иногда умудрялся этим даже нелепо бравировать.

Людмила Петровна обернулась к первой парте, где сидели Кирилл с Васькой. Ее тонкие губы вновь изобразили легкую улыбку. Затем, не произнося ни звука, она прикоснулась двумя указательными пальцами к губам, показывая, что надо немного успокоиться, и подошла к нашей с Даником парте. Ее маленькая ладонь легла на наш стол рядом с Данилой. Так она предоставляла слово. Я восхищалась нашей учительницей в такие минуты, когда она, словно дирижер, ловко руководила нашими суждениями и приводила нас в итоге к самым интересным умозаключениям.

– Я считаю, – начал Даник, – Родина и есть наши близкие, знакомые. Если кого-то не стало, то значит, Родина уменьшилась в размерах, и за нее надо биться с еще большей страстью.

Учительница сделала одобрителный кивок, который говорил только о том, что прозвучало весьма взрослое суждение, но это не значит, что наша Люда с ним согласна. Она развернулась и подошла к парте, где сидели Маша и Даша, две сестры-близняшки. Как и положено в их статусе, сестры были одинаково одеты, носили одинаковые прически и даже своей заумностью совсем не отличались друг от друга. Разве только Даша была чуть смелее своей сестры. Они казались умными девочками, но только в учебе, а в каких-то других вопросах совсем не разбирались. Единственное, почему я завидовала двум сестрам, – роскошные густые темно-русые волосы почти до пояса.

– Это же ужасно, когда кто-то знакомый умирает, – жалобным и тонким голосом произнесла Даша.

Людмила Петровна от близняшек ушла к Саше, самому красивому мальчику в классе. Я тихо восторгалась его внешностью, правильными чертами, всегда идеально уложенными светлыми волосами, галантными манерами. Ему мешал один только минус – просто какое-то запредельное занудство. Он любил только свои книги и тишину, которая его окружала во время чтения. И больше ничего.

– Смерть ужасна по своей сути, это бесспорно, – начал он

свою болтовню, – но мы уже давно выстроили эти институты управления людьми, избрали для себя ценности, сформировали устои...

Дальше я его уже не слушала, переведя взгляд на учительницу. Людмила Петровна стояла напротив Саши, но, кажется, без особого удовольствия внимала его словам. Мне она безумно нравилась. Признаюсь откровенно, как бы плохо это ни звучало, но порой я даже расстраивалась, что она не моя мама. Такая вдумчивая, понимающая, добрая и удивительно обаятельная со всегда прекрасно подобранными нарядами. Сегодня она пришла в вязаном белом платье и белых сапожках. Гардероб Людмилы Петровны не обновлялся и остался, скорее всего, от ее прошлой довоенной жизни, но она старательно его берегла.

Потом настал мой черед ораторствовать. Вот поразительно! У меня так складно выстраиваются мысли на бумаге, но так безобразно я периодически их высказываю. Я пробурчала что-то несвязное и по смыслу схожее с тем, о чем говорили близняшки.

После меня учительница дала слово моей лучшей подруге Илоне, или просто Иле. Иля мне нравилась прежде всего своей чрезвычайной мягкостью и скромностью. Она всегда приходила в класс в таком добром и немного грустном настроении. Еще меня задевало то, что она не выделялась красотой и, пожалуй, в классе была самой несимпатичной девочкой. Внимание мальчиками нашего класса ей совсем не

уделялось. Мне становилось жалко Илю, когда на перемене меня обхаживал Данила или Кирилл, а она сидела за партой, уткнувшись в книгу, рядом с упомянутым мной занудным Сашей. Иля высказала примерно такие же, как и я, мысли, только сделав это намного красноречивее и изящнее. Она отметила бесценность человеческой жизни и то, что никакие созданные искусственно самим человеком институты не будут важнее самой жизни.

Последней по традиции взяла слово Василина. Она сидела прямо за мной вместе с нашим политологом. Самая красивая девочка класса. Было в ней что-то от ведьмы: иссиня-черные длинные волосы, темные глаза, гладкая бледная кожа. Завидовала ли я ей? Не все так просто. У нее был невыносимый характер. Нахальная, с завышенной до небес самооценкой и, в довершение, глупая, как пробка. Как ляпнул однажды Аркаша ей то ли в шутку, то ли всерьез: «В тебя бы еще умные и светлые мысли запихнуть!».

– Война – мужское занятие. Главное, нас, женщин, в это пусть не впутывают, – с умным видом произнесла Василина свою очередную глупость. Я обернулась к ней и недовольно фыркнула, давая понять, что не оценила высказанную ей мысль.

– Всем спасибо, ребята, – заговорила учительница, – на сегодня все. Завтра на безделье не надейтесь.

– Людмила Петровна, можно вопрос? – выкрикнул Васька.

– Слушаю.

– Нам идти на казнь?

Учительница взяла влажную тряпку, повернулась к доске и стала медленно стирать выведенную мелом сегодняшнюю дату.

– Ребята, – начала она, не оборачиваясь, – подобное может пойти, как бы чудовищно это ни звучало, вам во благо. Я не могу сказать однозначно, что это вредно или опасно.

– Но это ведь ужас! – выкрикнула Василина.

– Ужас, – она повернулась к нам и оглядела каждого ученика в отдельности, – а я и не говорю, что увиденное вас не шокирует. Я говорю, что кто-то после казни может стать сильнее. Только еще раз повторю: надо основательно покопаться в себе и ясно понять, что это вам поможет.

– А если мы ошибемся?

– Если вы вдруг ошибетесь, то последствия будут печальными. Так что, если сомневаетесь, сидите дома.

Несмотря на то что казни до затишья проводились где-то раз в месяц, никто из нас их не видел. Только слышал по рассказам, видел по ошарашенным лицам возвращающихся с площади людей. Кирилл с Васькой хвастались, что им удалось попасть на площадь три года назад, но им никто не поверил. До четырнадцати лет нахождение на улице во время казни вообще запрещалось, и родителей, не усмотревших за своими отпрысками, крупно штрафовали. Когда ученики нашего класса стали по очереди отмечать четырнадцатилетие,

казни стихли на целый год. Вплоть до сегодняшнего дня.

Когда ученики покинули класс, я подтолкнула Даню к учительскому столу, за которым заполняла журнал Людмила Петровна. Даня сдвинул брови, насупился и стал прятаться за моей спиной, смешно бормоча, что ему неловко. Людмила Петровна подняла на нас вопросительный взгляд. Я с укором посмотрела на Даню и подошла к учительнице.

– Людмила Петровна, мы хотим вас пригласить на ужин в эти выходные, – сказала я уверенно.

– Кто это мы?

– Я с Даней и наши родители.

Людмила Петровна посмотрела за мою спину, где поддакивал пораженный разрядом стеснительности Даник. Мило улыбнувшись, спустя мгновение раздумий она произнесла:

– Хорошо, я приду.

Мы вышли на улицу. Я сияла от счастья, представляя, как у нашей учительницы все сложится с дядей Никитой и мы будем часто проводить вечера вместе. Даник же в противовес мне погрузился в какие-то мрачные мысли.

– Ты не рад? – спросила я, рассматривая хмурое лицо друга.

– Чему? – растерянно спросил он.

– Что наша Люда будет с твоим папой?

– Во-первых, они просто поужинают, – ответил Даник сердито.

– Ах, это неважно, – подхваченная светлыми фантазиями

о будущем, сказала я.

– Во-вторых, сейчас есть дела посерьезнее, – он холодно посмотрел на меня.

– Какие?

– Юля, ты пойдешь на казнь?

Я вмиг потускнела. Почему-то до этого вопроса, до этого взгляда Даника я даже не рассматривала вариант с походом на площадь, уверенная, что для меня он будет иметь печальные последствия, как сказала Людмила Петровна.

– А ты пойдешь?

– Да, – без раздумий ответил Даник.

Тогда он выглядел так мужественно, так великолепно, что я сразу произнесла:

– Я с тобой.

– Ты уверена?

– Я с тобой, – повторила я.

Даник даже не думал меня отговаривать.

– Хорошо. На площадь не пойдем. Пойдем на чердак многоэтажки, что чуть в стороне. Там хорошо все видно, но жутких деталей мы не различим.

Несмотря на ясный день, город был пуст. Серые потрескавшиеся стены домов выстраивали пустые коридоры улиц. Мартовское солнце отчаянно пыталось покрыть благоухающим светом угрюмый полуразваленный город. Голые прутья деревьев выстраивали деревянные решетки на пути к голубому небу. Природа только набиралась сил для первого ве-

сеннего вдоха. Прохладный ветер напоминал о совсем недавно ушедшей зиме.

Мы разошлись с Даней по домам, договорившись встретиться за час до прилета самолета. Дома мама усадила на колени Славика и читала ему сказку, а брат тыкал пальчиком в картинки, узнавая знакомых героев. Папа еще утром ушел на работу и должен был вернуться не раньше вечера. Всех военных, не занятых в боевых действиях и охране территорий, созывали на площадь на каждую казнь. Они выстраивались в шеренгу и, как только подлетал самолет, прикладывали ладонь к виску, отдавая честь героям, погибающим за Родину у всех на глазах.

Я пообедала, переоделась и села на диван рядом с мамой и Славиком. Тут меня осенило, что мой поход с Даней на чердак не согласован с родителями. А ведь они совершенно точно против.

– Мама.

Мамочка перестала читать и посмотрела на меня.

– Я сегодня иду на казнь.

– Кто тебе такое сказал? – ее мягкий и напевный голос, которым она читала книгу, приобрел металлический отзвук.

– Сама решила.

– Ты с ума сошла. Никто никуда не идет.

– Я хочу быть там. С Даником.

– Он тоже идет?

– Да.

– Его отец знает?

– Нет. Дядя Никита уже на площади, скорее всего.

– Значит, и тебе, и Даниле я запрещаю даже думать об этом.

Мама говорила размеренно и твердо. Славик напряженно поглядывал то на маму, то на меня. Мамочка убрала книгу в сторону, сняла с колен брата и, встав передо мной, произнесла:

– Ты – ребенок и не должна все это видеть.

– Но по закону, – встряла я.

– Мне плевать на закон! – закричала она. – Слово матери для тебя должно быть законом!

Я представила, как Даник один сидит на чердаке и рыдает после увиденного, как его некому пожалеть. Отчаянная злость подступила к горлу:

– Значит, мне плевать на законы матери! – закричала я в ответ и выбежала из зала в свою комнату.

Хлопнув со всей силы дверью своей комнаты, я, не задумываясь, защелкнула замок, достала из сумки спортивную обувь и выпрыгнула из окна во двор. Словно подчиняясь какому-то зову, я мчалась по улицам к назначенному дому. Растрепанные волосы падали на лицо, развязавшийся шнурок на левой ноге норовил попасть под правую. Не останавливаясь, я неслась к чердаку, где меня никто, кроме Дани, бы не нашел. Ветхая, местами залатанная многоэтажка с треугольной темно-зеленой крышей стояла совсем рядом с пло-

щадью. Многие квартиры в ней пустовали – жизнь в малом одноэтажном доме в случае бомбежки кажется безопасней. Почти все жители ее переселились отсюда еще в первый год войны. Я вбежала в самый первый подъезд. Перепрыгивая сразу по две ступеньки, молнией пронеслась по лестнице и стояла у трухлявой деревянной двери, ведущей на чердак. Дверь оказалась не заперта. Рядом лежал огромный выломанный ржавый замок. Засовы издали противный протяжный писк, и мне открылась стандартная картина подобных заброшенных помещений: пыль, размашистая паутина над головой, мусор в виде пустых пакетов и бутылок, в углу кто-то давно спрятал шифер и другие стройматериалы, покрывшиеся со временем черными пятнами. Прямоугольник света вдали был тем окном на площадь, про которое говорил Даник. Я сделала шаг внутрь, и в нос ударил омерзительный запах сырости и гнили. Я стала пробираться к окну, стараясь не ступить в грязь и не попасться в разбросанные кругом нити паутины. Скрип каждого шага заставлял душу замирать. Внезапно я услышала дыхание. Чужое тяжелое чажоточное дыхание. Полумрак старого чердака старательно скрывал некоторые свои углы. Страх с каждой секундой все сильнее сковывал меня.

– Не бойся, – раздался справа от меня глухой слабый голос.

Я взвизгнула и отшатнулась в сторону. В углу я заметила едва различимый силуэт человека.

– Кто вы? – спросила я дрожащим голосом.

– Антон, – с трудом выговорил незнакомец и зашелся ужасным кашлем.

Почему-то, когда мужчина назвал свое имя, страх тотчас отхлынул от сердца, и я сделала шаг навстречу, чтобы получше разглядеть его.

– Не бойся, – вновь вымолвил незнакомец.

Я подошла еще ближе. Мужчина сидел в углу, опершись на стену. Обмотанный по несколько раз в оборванное тряпье, измазанный в саже и земле, с закатанными кверху усталыми глазами, он представлял собой удручающее зрелище.

– Кто вы? Что вы здесь делаете?

– Антон, – во второй раз повторил мужчина.

– Вам надо к врачу.

– Мне нельзя.

Я стала понимать, кого я встретила. Сбежавший два месяца назад пленник, солдат Державы. Тогда провели массовый досмотр вдоль и поперек всего города, но никого так и не отыскали. Солдат сильно исхудал за это время. Кожа на лице была туго натянута на череп, руки безжизненно свисали к полу, а тело билось от сильного жара. Я села на корточки напротив него.

– Я вас не выдам, – произнесла я.

– Спасибо, – он впервые посмотрел точно на меня.

– Как вы выжили здесь?

– Ко мне приходил человек из этого дома. Но его давно

не было, – ответил солдат.

– Держите, – я протянула ему несколько оставшихся после обеда печений, что лежали в кармане кофты.

Тонкими пальцами он взял печенье и в знак благодарности улыбнулся. Солдат стал медленно поедать угощение. У него в животе сразу громко заурчало.

– Довольный, – сказал он, добавив: – Как тебя зовут?

– Юля, мне пятнадцать лет.

– Большая. Мне двадцать четыре.

Солдат съел все печенье, аккуратно вытер рукавом губы и, склонив голову на бок, стал засыпать.

– Теперь я буду к тебе приходить.

Он открыл глаза, но ничего не ответил. Его измученный взгляд сам сказал мне спасибо.

– Но тебе надо спрятаться на время, – выговорила я и только потом задумалась о сказанном.

Скоро здесь должен был появиться Даник. Я не хотела, чтобы он видел солдата Державы. Я не верила, что мой друг способен молчать. Скорее, он тут же побежит в полицию или сразу к папе. Мой искалеченный войной мозг даже допускал мысль, что он лично убьет Антона прямо здесь на чердаке. И будет гордиться, что уничтожил своего первого державного солдата.

Я рассказала Антону о своем друге, о том, что мы договорились с ним посмотреть казнь на чердаке. На что он произнес:

– Вы будете смотреть казнь?

– Да.

– Зачем?

– Мы так решили, – не придумав ничего лучше, ответила

я.

Оставшееся время до прихода Дани я занималась тем, что обхаживала своего нового знакомого. Я принесла ему большую бутылку воды из колонки, что стояла рядом с домом, обустроила новую удобную лежанку вдали от окна за стройматериалами, что должны были скрыть его от Дани и вообще от любого постороннего, кто сюда попадет. С огромным трудом я перетащила Антона, повесив его себе на плечи, в обустроенную лежанку. Волоча его, меня чуть не стошнило. От нового знакомого очень плохо пахло. Некая жуткая смесь из пота, мочи и даже плесени. Два месяца, проведенных взаперти, из бравого солдата сделали бомжа, готового в любой момент испустить дух.

– Прости, – догадываясь о своем состоянии, проговорил он, когда мы вместе с ним упали на новое место.

– Ничего. Мы все исправим. Ты, главное, до завтра дотяни. Я еды принесу. И мыло.

– Хорошо, – укладываясь удобнее, сказал Антон.

– Сиди тихо. Мне надо уходить, – я коснулась его руки и убежала к окну, чтобы не вызывать у Даника подозрений.

Сев на балку под окном, я стала ждать прихода друга. В тот момент я задумалась о том, что для меня настало время,

когда придется врать по-крупному. Для каждого наступает такой момент. У меня он настал в пятнадцать лет. С этой самой секунды у меня появилась тайна, цена которой – человеческая жизнь. И я не знала, наступит ли день, когда я смогу поведать кому-либо про Антона.

Я посмотрела с окна вниз. К площади подтягивались первые зрители. Они заходили за специальные ограждения с металлической крышей, располагающиеся по краям площади. Те, кому не хватало места, ютились рядом. Взрыв – дело нешуточное, и жертв, помимо пленника, никто не хотел. У высоких дверей Дома Правительства выстроились несколько шеренг военных, переминающихся с ноги на ногу. Среди них в первых рядах должен был стоять и мой папа, но на таком расстоянии лица смывались в желтые пятна, и я его не нашла.

Наверху послышались шаги. Обернувшись, я увидела печального и напряженного Даню. Он явно нервничал. Перешагивая через заросли мусора, он подошел ко мне и аккуратно приобнял, чего никогда ранее не делал.

– Страшно? – спросил он.

– Волнительно, – ответила я, хотя понимала, что все мысли были сейчас заняты новым знакомым, лежащим в полубморочном состоянии в противоположном углу чердака.

Я прислушалась к тишине в надежде не услышать в ней кашля или стонов Антона.

– Куда ты смотришь? – спросил Даня, озираясь в сторону

груды стройматериалов.

– А? Ничего, – я перевела взгляд на друга, – скоро начнется?

Ответом на вопрос стал возникший гул самолета. Сначала тихий, далекий. Потом звук сделался мощнее, гуще. Он принялся заполнять этот чердак, этот город. Охваченные любопытством и страхом, мы высунулись из окна. В безоблачном небе вдали виднелось железное распятое, увеличивающее свои размеры с каждой секундой. На площади военные выпрямились и по команде приставили ладонь к виску. Зеваки под железным навесом вытягивали шеи к небу. Самолет мчался к площади, разрезая свободный воздух нашей страны, чтобы дать понять, что мы зря радуемся собственному единству. Шум турбин уже заложил уши. Трепещущее сердце вдруг застыло, будто покрывшись коркой льда, и только смерть могла заставить его оттаять и заработать вновь. Смерть трех человек, еще недавно защищавших мой покой. Самолет снизился.

– Отсек открылся, – произнес Даник, не отрывая взгляд от железной могущественной птицы.

Три человека устремились вниз к земле, к родной земле. Я вскрикнула и зажала рот двумя руками. Пленные летели вниз, к голове и ноге каждого были прицеплены тяжелые металлические грузы. Это делалось, чтобы жертвы падали точно в назначенное место и не отклонялись порывами ветра. Люди летели вниз, словно мешки с ненужным грузом, слов-

но балласт. По моим щекам градом потекли слезы. Зажимая со всей силы руками рот, я быстро глянула на Даню. Он перестал бояться. По крайней мере, я не видела того страха, что был в преддверии казни. Он смотрел будто замороженный, как смотрят дети на фокусника. Пленники уже пролетели половину пути.

Хлопок. Второй. Толпа на площади мгновенно вздрогнула и отшатнулась.

Два человеческих тела разорвало на множество частей под фейерверк из фонтанирующей во все стороны крови. Крупные и едва различимые останки пленников теперь по отдельности ждали столкновения с землей. Четыре железных груза с привязанными к ним обрывками человеческой плоти первыми грохнулись на каменную плитку. Третья жертва упала на землю чуть позднее, так и не взорвавшись. Бездыханное тело лежало посередине площади. Рядом с ним пару мгновений еще падали конечности и обрывки других жертв. Устройство не сработало, подумала я, но сразу же раздался третий взрыв. Последнего пленника подбросило вверх, и его части разлетелись по площади. Как улетел самолет, я не заметила.

– Господи! – прокричала я, сделала шаг назад и, споткнувшись, упала на пол, но тут же подскочила на ноги. – Господи!

Даник медленно повернулся, глубоко задумавшись. Я же, напротив, не знала, куда себя деть. Меня грыз изнутри ужас, проникающий от сердца во все потаенные уголки души.

Каждый участок тела словно бился в отчаянном припадке.

– Что ты молчишь?! – неистово закричала я, вытирая ладонями струящиеся по лицу слезы.

– Успокойся, – выговорил Даник, добавив: – Это война. Что я еще должен сказать?

Даник хотел подойти и пожалеть меня, но я выбежала с чердака и, пробираясь сквозь расходящуюся толпу, помчалась обратно домой. Я ударялась в людей, спотыкалась об их пятки и запутывалась в их длинных платьях. Медленно вышагивающие невозмутимые люди, только что видевшие три чудовищных смерти, вызывали омерзение. Вместо мелькающих лиц мне стали видеться звериные морды свиньи, крысы или волка. Тут я врезалась в мужчину в сером костюме. На шее у него болталась белая заячья голова. Его снисходительный и прощающий взгляд вызвал истерику.

– Почему вы такие?! – вновь закричала я. – Почему вы все такие?! – повторила я, оборачиваясь ко всем.

– У девочки шок, – произнес заяц хриплым голосом проходим, замедлившим шаг.

Я со злостью оттолкнула мужчину и понеслась дальше к дому.

Сразу на пороге стояла мама. Она ждала меня. Я без промедления кинулась в ее объятия. Мамины руки крепко сжали свою дочь. Меня трясло от пронзительной боли. Я колыхалась в руках, как бабочка в паутине. Мы простояли на пороге полчаса. Мама не произносила ни слова. Только крепко

сжимала мое хрупкое тельце и иногда целовала в макушку головы.

Успокоившись, я проговорила:

– Прости меня, мам.

В ответ мама прижала меня к себе еще сильнее.

6

Странная война. Очень странная война. Мы ведь слабее. Басарская Республика окружена Державой. Наше положение еще называют анклавом. К нам нельзя приехать, приплыть, прилететь, не пересекая Державу. Мы не сбиваем самолеты, что прилетают на казнь, так как Держава нам в каждой листовке обещает в таком случае массированный бомбовый удар по мирным жителям. Мы как мелкие муравьи, вставшие на пути крупного медведя. И медведю неприятны, но терпимы наши укусы и выделяемая нами кислота. Взмахи лап медведя же губительны для нашего муравейника. Но мы стоим. Отважные. Отчаянные. Во имя своей Королевы. А медведь и не собирается разом уничтожить муравейник. Ему это не надо. С учетом, насколько велика и могущественна Держава, я представляю, насколько не остро у них стоит «вопрос Басарской Республики». Некоторые полководцы и на карте нас-то не найдут. Мне кажется, решение нашего вопроса им невыгодно. Поэтому наши сражения такие вялые. Данила говорит, что война нужна только для зарабатывания денег производителям оружия. И война дает им покупателя в лице и войск Державы, и войск Басарии. Нет, есть идейные люди в войне, как мой отец, дядя Никита или, хочется верить, наш главнокомандующий. Но всех их облепили алчные лицемеры. Им выгодно, когда мы мучаемся.

Финансовые возможности нашей страны не такие плачевные, как может показаться на первый взгляд. Залежи алмазов на севере страны позволяют нам сделать наш небольшой край самым процветающим в округе. Только все средства уходят на войну...

Другие страны толком и не понимают, наверное, что происходит у нас. Даже в самой Державе обычные жители до конца не знают, что мы там не поделили с их правительством. Если честно, я сама до конца не поняла, в чем яблоко раздора. Но все говорят про независимость и что Держава желает растворить нас как нацию, запрещая язык, традиции и культуру, высосать из наших недр все богатства. Ужасно, если это так. Нация – это семья. Ей нельзя размениваться. По крайней мере, все считают именно так. Я, признаться, далека от этого. Но мне приходится во всей этой истории жить. Или бороться за жизнь.

Следующее утро выдалось скудным на семейные беседы. Я, мама и Славик уселись завтракать. Папа пропал на службе второй день. Напряжение на границах после казней всегда возрастало, поэтому к дежурным усилениям наших рубежей мы привыкли. Мама как бы невзначай поинтересовалась, как я себя чувствую после пережитого потрясения.

– Спасибо, сегодня все нормально, – спокойно ответила я, уплетая овсяные хлопья с молоком.

– Кто тебя подтолкнул все-таки на это?

– Даник.

– И все?

– Еще наша Люда.

Мамины зрачки сузились. Который день подряд ей напоминают об учительнице, которую мама не особо жаловала. Никто не знал, что руководило в этом мамой, зависть либо ревность. Она перевела взгляд на Славика, который ложкой с кашей не попадал в рот, и та, стекая по подбородку, капала на стол.

– Я поговорю с ней, – сердито выговорила мама, вытирая полотенцем лицо брата.

За годы войны мамочка растеряла былые лучезарность и великолепие, стала раздражительной. Нет, она, как и всегда, отдавала без остатка свою любовь семье. Только если раньше

после того, как она делилась с нами своими чувствами, мама превосходно себя чувствовала, то теперь все чаще случалось видеть ее бессилие, нервозность и даже злобу. Оно понятно: вечно прозябающий на войне папа с приступами алкогольной лихорадки, на полшага задержавшийся в развитии младший сын, непослушная дочь. А она – женщина, которой ни на минуту не дают вспомнить о том, что она задумывалась на свет как хрупкое и милое создание.

– Это мое решение, мам, – твердо произнесла я.

В то утро мне показалось, что увиденное проявление нечеловеческой жестокости и садизма подняли меня на ступеньку выше. Мне этот мир стал понятнее, яснее. Словно приоткрылась завеса, за которой пряталось много тайн человеческой природы. Тайны по-прежнему оставались для меня неразгаданными, но дело в том, что еще позавчера я не догадывалась об их существовании. А теперь – вот они. И я знала, что ответы на многие из них ко мне придут, но со временем.

– Я все равно поговорю с ней, – сказала мама и, взглянув на брата, вскрикнула: – Сыночек, что сегодня с тобой?

Брат, испачкавший кашей щеки, рубашку и стол, отставил тарелку в сторону и завертел головой. Его лицо озарилось доброй, местами беззубой улыбкой, от которой вмиг нам с мамой стало теплее.

Настал последний перед выходными учебный день. В школе я придумала себе новую игру. Я угадывала, кто вчера

ходил на площадь. Сопоставляя, как сегодня ведет себя ученик и какой он обычно, я искала такое изменение, которое могло произойти только с помощью чего-то ужасного. Первым под подозрение попал Кирилл, который сидел за партой тише обычного. С ним, скорее всего, ходил Васька. По нему не угадывалось, что он пережил сильный шок, но я была уверена, что тот поплелся со своим другом и объектом подражания. Еще среди зрителей кровавого театра вчера точно находился Аркаша. Наш политолог выглядел самым подавленным. Бледный, угрюмый, он уткнулся в тетрадь и за весь день не издал ни звука. Только скрип карандаша давал понять, что за спиной Даника кто-то сидит.

Даник вел себя как вчера – собранно, серьезно и невозмутимо. Я вспомнила того перепуганного Даню в моих дверях, когда он трясущимися руками принес листовки, и не могла поверить, что за ночь он сумел превратиться в твердого, умеющего держать себя в руках мужчину. Быть может, это дядя Никита с ним основательно поработал и дал понять, что такое поведение не красит сына офицера.

Все остальные на казнь пойти не отважились. Но ни один из не увидевших смерть не спросил, как все прошло. Все ученики в классе знали, что тот или иной вчера решился понаблюдать за казнью, но никто не приставал с расспросами, не желая травмировать и так уже покалеченного друга или подругу. В тот день я испытала гордость за чутких и сопереживающих одноклассников.

Людмила Петровна старалась всеми силами погрузить класс в учебу, чтобы отогнать нехорошие мысли и воспоминания о вчерашнем дне. Целый день мы посвятили геометрии. Вычерчивая треугольники, вымеряя транспортиром углы, вырисовывая циркулем круги, мы старательно постигали мир фигур и чертежей, забывая хоть на время о мире, что нас окружал. Голова гудела от потока информации, который запихивала в нас Людмила Петровна.

– Пощады сегодня не ждите, – произносила она каждый раз, когда слышала глубокий тяжелый вздох кого-то из класса.

Учебный день пролетел одним мгновением. Мы все разбрелись по домам. Я стала обдумывать, как навестить Антона. Помня его вчерашнее состояние, я понимала, что любое промедление может стоить слишком дорого. Вместо того чтобы съесть бульон, я аккуратно перелила его в термос, отдельно в пакет уложила хлеб и пару яблок. Все делалось незаметно и предельно тихо, не вызывая подозрений у семейства, разгуливающего туда-сюда по дому и, как мне постоянно мерещилось, следящего за мной. Запихав пакет с едой под майку, я забежала в свою комнату и закинула его в рюкзак. Дальше в ванной пришлось ножом отрезать часть мыла. Средства гигиены последнее время стали дефицитным товаром, поэтому отрезанный брусок был небольшим, чтобы никому не бросилось в глаза его существенное уменьшение. Схватив губку для мытья посуды, я побежала в гараж. Там стоя-

ла древняя тридцатилетняя четырехколесная развалюха, не ездившая уже очень давно. Темно-синий «Шевроле» стал светлым воспоминанием о молодости родителей и больше ничем. Сейчас он выглядел совсем непрезентабельно: проржавевшие дворники были схожи с рыжими сухими ветками хвороста, покрытые толстым слоем пыли окна не давали увидеть салон автомобиля, сгнившая резина плотно облепила старые диски. Весь гараж представлял собой склад древних и никому ненужных вещей, которые вдруг смогут еще пригодиться. Я покопалась в шкафу, что стоял в дальнем углу, выискивая подходящую одежду. Перед глазами мелькал образ Антона, закутанного в грязные, затхлые и, казалось, разлагающие его плоть тряпки. Нашелся отцовский старый камуфляж с нашитыми на нем знаками отличия и погонами. Вдобавок я забрала еще пару завалявшихся курток и штанов.

Вся собранная провизия с огромным трудом поместилась в детском рюкзаке.

– Ты куда? – спросила мама, заметив, как я обуваюсь.

– К Дане уроки делать, – выдала я первую залетевшую в голову отговорку.

– Надолго?

– Если Даня тупить не будет, то нет, – отшутилась я и выскочила из дома.

Я мчалась по городу, окрыленная прекрасной погодой, ласково шепчущей всем о весне. Меня обуяло особое чувство, что сейчас я помогаю кому-то по-настоящему, что у ме-

ня большое сердце, способное еще на многое. Мимо проходящие хмурые люди настороженно озирались, глядя на сияющую от избытка чувств девочку. От этого внутри становилось еще веселее и радостнее.

Поднимаясь по лестнице, я почувствовала тревогу. В голову пробрались жуткие мысли, от которых я злилась на саму себя. А если Антон уже умер, и я не докажу всем (хотя о моем поступке никто не узнает), насколько я добра к людям? Что мне тогда делать? Вернуться домой, разложить все выкраденные вещи и продолжать жить как прежде? Нет, думала я, тогда мне надо будет похоронить Антона. Я найду способ увезти его на кладбище и там оборудую могилу, как у всех, с изгородью и клумбой.

Обеспокоенная такими размышлениями, я быстро поднялась по ступенькам и попала на чердак. Темное запыленное помещение будто жило своей спокойной и размеренной жизнью.

– Антон, – негромко произнесла я, окутанная все еще мрачными мыслями.

За стройматериалами завернутый в несколько слоев одежды, свернувшись, лежал Антон. Один его глаз был широко открыт, второй смотрел на меня с задорным прищуром. Он выглядел явно бодрее.

– Как ты себя чувствуешь?

– А ты? – спросил он, лежа на полу.

Я не сразу поняла, что он интересуется, как я пережила

увиденную казнь. Ведь он слышал вчера мою истерику, мои крики.

– Все в порядке. Воду всю выпил?

– Я тоже. Как видишь, – Антон заулыбался.

– Так, – протяжно произнесла я, вытаскивая из рюкзака гостинцы, – будем приводить тебя в порядок.

Я выставила перед ним все, что принесла.

– План такой! Сначала ты делаешь пару глотков первого блюда, заедаешь все хлебом. Потом перерыв. Нельзя много есть, если так истощен. Потом ты раздеваешься, мы тебя вымоем, выбрасываем твои шмотки и надеваем все чистое. После можно будет доесть.

– Договорились.

Я налила в металлическую кружку до половины куриный бульон. Антон приподнялся и обхватил кружку.

– Горячий, – с тихим восторгом произнес он.

– Пей давай.

Он поднес кружку к губам. Мне показалось, что от возбуждения у него затряслись руки. Антон сделал громкий глоток. Затем еще один. В четыре больших глотка он выпил весь бульон. Схватившись левой рукой за живот, Антон скривился. Видно, в желудке больно укололо.

– Так бывает, – произнесла я и протянула ему хлеб.

Он схватил ломоть и жадно от него откусил. Челюсть стала активно пережевывать огромный кусок. На чумазом лице засверкали счастливые глаза.

– Раздевайся пока. А я за питьем схожу.

Колонка с водой стояла прямо в безлюдном дворе многоэтажки между двумя изувеченными детскими качелями. Пока набирала в бутылку воду, в нескольких окнах я заметила, как стали колыхаться тюли. Надо быть осторожнее. Два дня подряд у колонки появляется посторонняя девчонка и уходит в подъезд. А людей в доме не так много. Это может вызвать вопросы. В следующий раз лучше приходите сразу с водой.

Антон вытянулся во весь свой рост на сооруженной подстилке и лежал в одних черных трусах на полу. Он тяжело дышал – двигаться ему по-прежнему было трудно.

– Все снимай, – серьезно проговорила я.

С гримасой искреннего удивления Антон приподнял голову и взглянул на меня. Пятнадцатилетняя девчонка приказывала ему, солдату Державы, раздеться. Меня вообще не интересовало, что он подумает. Я представляла себя медицинским работником на фронте. По сути это было недалеко от истины. Только я официально не работала, а передо мной лежал пленник из вражеской армии.

– Ну, живее, – произнесла я, смачивая губку водой и натирая ее куском мыла, пока та не вспенилась.

Он снял последнюю прикрывающую тело одежду и закрыл руками промежности. Я, не замечая его стеснения, стала собирать разбросанные вещи.

– Они тебе больше не понадобятся.

Я собрала их в пакет и отшвырнула в сторону. Потом взяла губку и села рядом с Антоном. Он дрожал от холода. Я прикоснулась мокрой губкой к левому плечу. Его тело непроизвольно вздрогнуло.

– Придется потерпеть. Потом укутаем во все чистое и теплое.

Антон кивнул, и я прикоснулась во второй раз в области ключицы. Я провела губкой от плеча до запястья руки, прикрывавшей место, которое мне не стоило видеть. У Антона раньше было крепкое красивое тело, но за два месяца плена и скитаний оно сильно ослабло. Сажа и грязь расходились в стороны от каждого прикосновения губки. Бледная кожа была усыпана порезами, ссадинами и ранами, которые я старательно обходила, чтобы не причинить ему боль.

– Вот так, – едва слышно и напевно проговорила я, проведя по его шее, – смотри, какая черная.

Я выжала губку – мутная жидкость потекла по полу. Намылив губку вновь, я продолжила водные процедуры. Антон понемногу успокоился. Прикосновения уже не создавали для него неприятных ощущений. Он, закрыв глаза, размеренно задышал и готов был уснуть, но я завела беседу:

– Кем ты служил?

– Летчиком, – не поднимая век, ответил он.

– Значит, бывал в небе, – проговорила я и по ноге спустилась к его ступням.

– Много раз.

– Это, наверное, волшебю.

– Волшебю.

– Чю ты ощущаешь, коюа летишь?

На его голени обросла до конца не затвердевшей коркою большая бордовая рана. Я аккуратно, боясь сделать больно, стала обводить губкою вокруг нее. Антон жалобно застонал.

– Прости. Так чю ты ощущал?

– Будто я могу все. Будто этот мир создан для меня. Это трудно описать.

– Тоже хочу коюа-нибудь взлететь. Переворачивайся.

Он тяжело перевернулся на живот. На могучих плечах у левой лопатки я заметила небольшую татуировку в виде облака, рядом с которым парил истребитель. Я потянулась туда, желая освободить рисунок от копоти и грязи.

– Обязательно взлетишь, – подбадривал Антон.

– У нас в стране даже самолетов нет.

Я провела губкою по его широким бедрам. В груди волнительно засвербело. Я первый раз видела обнаженного мужчину, но только в этот момент начала почему-то смущаться.

– Коюа-нибудь появятся, – вымолвил он.

– Все, одевайся.

Я взяла армейские штаны и, отвернувшись, протянула Антону. Потом подала футболку с курткой.

– Чю это? – его голос зазвучал жестче.

Я повернулась. Антон, лежа на полу, показывал мне пальцем на нашивку на куртке. Его брови опустились вниз, а гу-

бы плотно сжались. Он попросил лежащий в углу осколок стекла и принялся с пугающей злобой сдирать символы Басарской Республики. Раздался треск ниток камуфляжа. Он отрывал нашивку с таким остервенением, что, казалось, после куртки этот осколок вопьется мне в горло.

– Что ты делаешь? Это просто одежда!

– Из-за этой нашивки я третий месяц родных не вижу и сейчас с тобой тут сижу, – сказал он гневно, отпарывая погон, – твой отец военный?

– Да. Обычный рядовой, – соврала я, глядя на обезумевшего пленника.

Я злилась на Антона, хотя понимала, что его ненависть к нашей стране вполне объяснима. В голове промелькнула мысль рассказать отцу или хотя бы Данику о пленнике. Пусть они сами решают, что с ним делать. Все-таки он враг. Антон же, отодрав противные ему символы, обессиленный повалился на землю. Не зная, как себя вести, я, сославшись на то, что мама будет волноваться, пошла домой.

Всю дорогу меня мучил один вопрос, который я побоялась задать Антону. Вылетал ли он на казни? Страх за то, что он это делал, полностью меня парализовал. Когда Антон говорил, что военный летчик, это не звучало так страшно. А если он скажет, что сбрасывал беззащитных людей? Что тогда делать? Я же видела, что собой представляет казнь.

Вся задумчивость улетучилась, когда я попала домой. Папа вернулся с двухдневного дежурства и носил всех на ру-

ках. Взбудораженный неконтролируемым приступом любви, он подбегал к маме, которая неспешно покачивалась на качелях, и крепко целовал ее в губы. Он бегал со Славиком на шее по двору, изображая звук самолета. Братишка был вне себя от счастья. Он раскидывал руки в стороны и звонко, радостно вскрикивал. За забором стояла пожилая соседка, с умилением наблюдающая за происходящим. Я подседа на качели рядом с мамой. Она взглянула на меня, подмигнула и, крепко обняв, продолжила наблюдать за папой и братом.

– Мы будет строить скворечник! – громко сказал папа, пытаясь перекричать звонко голосившего Славика. – Вы с нами?

В папу словно вселился ребенок. Только за мужчинами я наблюдала такие необычные метаморфозы в виде приступов детскости. Они могут работать на самых жутких и суровых работах, но это им не мешает с наивным восторгом собирать конструктор или управлять воздушным змеем. Вы много знаете игр, которые придумали женщины?

– Да помолчи ты на секунду! Уши закладывает, – обратился папа к Славику, а затем нам повторил: – Так вы с нами?

– Доставай молоток и доски, – ответила мама и, выпустив меня из рук, подскочила с качели.

До позднего вечера мы вчетвером измеряли доски, выпиливали окошко и мастерили крышу для наших новых соседей, прилета которых ждали совсем скоро. словно флаг нашего семейства, мы прикрепили скворечник высоко над го-

ловой на раскидистой, пока еще голой иве, что росла у забора. Казалось, нет ничего важнее сейчас для нашей семьи, чем сбитое из досок жилище для птиц. Спать мы со Славой пошли, когда часы пробили полночь. Настроение поднялось до невероятных высот, и выходить из дома, где так уютно, вообще не хотелось. Я готова была прожить в таком заточении всю жизнь. Радовало то, что завтрашний день тоже обещал подарить много хорошего. На завтра мы ждали гостей: дядю Никиту, Даню и нашу Люду.

С самого утра начались приготовления к «ответственному ужину», как выразился папочка. Папа, взяв роль главного организатора и управленца, с горящими глазами расхаживал по дому, раздавая всем команды.

– Все должно быть в лучшем виде! – вскрикивал он. – Мы, может, помогаем строить судьбу моему лучшему другу!

Я со Славой вооружилась ведром с тряпкой и стала сражаться с пылью в самых дальних уголках квартиры. Мама, конечно, заправляла кухней. От волшебных ароматов запекающегося картофеля с крупной фаршированной рыбой желудок радостно урчал, предвосхищая нечто аппетитное. В совместных хлопотах неожиданно стало вечереть. Наш дом давно так не блистал от чистоты и какого-то особенного домашнего уюта. Настал черед прихорашиваться нам самим. Мама надела свое самое роскошное темно-синее платье с глубоким вырезом на спине. Она делала вид, что выбрала это платье, потому что все остальные наряды не подходили либо на них нашлись пятна. Я в ответ только кивала, хотя знала, что предстоит обычное женское соперничество. Наша Люда в любом случае будет сегодня неотразима, поэтому мама не имела права выглядеть на ее фоне серой мышкой. Я же, словно в протест двум расфуфыренным леди (хотя учительницу я пока не видела), напялила потертые джинсы и длин-

ную белую майку с принтом.

– Как я выгляжу? – спросил папа, зайдя ко мне в комнату, когда я застегивала пуговицы на рубашке Славы.

Я обомлела, первый раз увидев папу таким нарядным. Все эти камуфляжи и военное обмундирование заполонили папин гардероб, и я даже не думала, как он может здорово смотреться в костюме. Черный пиджак подчеркивал его статную фигуру. Тонкий черный галстук прекрасно гармонировал с серой рубашкой.

– Ты такой красивый, – выговорила я.

– Нашел в шкафу. Когда ты была маленькой, я всегда старался следить за собой, – ответил он и, кажется, немного смутился.

Когда папочка вышел, я попыталась нацепить на Славика бабочку, но он так настойчиво отпирался, что пришлось отказаться от этой идеи. Я думала о папе. А вдруг весь этот вечер он организует для себя? Чтобы показать своей бывшей возлюбленной, какой все-таки он классный. Весь этот ужин, костюм – чтобы задеть нашу Люду. На мгновение мне стал папа противен, но потом я быстро прогнала от себя эти мысли. Все же никаких подтверждений у меня этому не имелось.

Первыми пришли дядя Никита с Данилой. Отец Даника явно не был мастером элегантности. Из-под выцветшего свитера с потертыми локтями торчал оранжевый воротник сорочки. Сперва я даже расстроилась и уже решила, что вся операция с таким нарядом обречена на провал, однако потом

пришла мысль, что материнский инстинкт нашей Люды может возобладать и она захочет облагородить дядю Никиту. Мне не терпелось увидеть учительницу.

Через десять минут в дом вбежала Людмила Петровна. Улыбающаяся, счастливая. В руках она держала еще теплый пирог с курагой. Аккуратное приталенное платье мятного цвета подчеркивало прекрасную фигуру Людмилы Петровны, но все же не сияло такой грациозностью, как у мамы. Зато наша Люда серьезно заморочилась над прической, и впервые на ней явно можно было разглядеть макияж. В школу она всегда приходила ухоженная, но никогда не позволяла себе чрезмерностей.

– Простите, опоздала. Ждала, пока пирог приготовится, – сказала она.

Подавая плащ моему отцу, мне показалась, она встретилась с ним взглядом, и они высказали друг другу комплименты. Мама, стоящая в дверях в гостиную, вроде бы тоже это заметила, но не подала виду.

Пройдя в гостиную, все уселись за стол. Дядю Никиту и нашу Люду посадили рядом. Ужин прошел в теплой атмосфере под восхитительные блюда мамы и вкуснейший пирог Людмилы Петровны. Сначала беседа велась вокруг школы и моей с Даней успеваемости. Учительница обсыпала нас комплиментами и предрекла отличные аттестаты. Потом взрослые заговорили о воспитании детей. Я подумала, что Людмила Петровна впадет в отчаяние, потому что не так давно по-

теряла ребенка, но она воодушевленно рассказывала о прочитанных книгах по педагогике и то, как советы оттуда она использует в школе.

– Наверное, трудно дать полноценное воспитание ребенку, когда воспитываешь один, – произнес папа, который, как все военные, не умел строить тонких намеков и деликатно подводить к нужной теме.

После папиной фразы у дяди Никиты, молчавшего весь вечер, покраснели уши.

– Если ты про Никиту Александровича, то я внимательно наблюдаю за Даником и считаю, что он прекрасно его воспитывает, – ответила Людмила Петровна.

Дядя Никита взглянул на нашу Люду. Она, отклонив голову чуть вбок, одарила его искренним добрым взглядом. Как же я восхищалась ее манерами и грацией в тот момент. Прелесть была еще в том, что дядя Никита оценил тепло, исходившее от нашей Люды, и дал понять, что очень признателен ей.

– Мне сильно помогает Карина. И вы, – произнес дядя Никита, не отрывая глаз от Людмилы Петровны. Я растаяла в романтичности ситуации. Мне уже хотелось, чтобы они прямо здесь поцеловались.

После этой короткой беседы дядя Никита оживился. Он, видимо, боялся услышать «нет», но теперь, поняв, что нашей учительнице он также симпатичен, стал принимать активное участие в общей беседе.

– Все вроде хорошо. Давай пойдём отсюда, – шепнул мне на ухо Даник.

– Куда?

– На улицу. Погуляем.

Я взглянула на светящиеся глаза дяди Никиты и на внимательно наблюдающую за ним Людмилу Петровну. «Как же это прекрасно», – подумала я и широко улыбнулась. Мою внезапную веселость заметила мама и вопросительно кивнула.

– Все нормально. Мы пойдём с Даней погуляем?

На улице закат подкрашивал крыши домов в алый цвет. Погода стояла тихая и безветренная. Жители, доделав последние на этот день дела, спешили к своим семьям. Мы бесцельно бродили по одиноким пустым закоулкам. Мне, подхваченной романтическим настроением, захотелось взять за руку Даника. Он сначала удивленно покосился вниз, проверяя, то ли произошло, о чем он подумал, а потом сам сильно сжал мою ладонь. Я только засмеялась в голос и потащила его в незнакомую для меня улочку. Повиновавшийся мне Даник спросил:

– Куда это мы?

– Понятия не имею, – ответила я, разглядывая неизвестный двор.

Двор мало отличался от своих собратьев: безлюдная пустошь со старыми качелями, несколькими машинами и горами мусора. Пройдя чуть дальше, мы нашли шаткую лавочку,

почти полностью захваченную в плен кустом сирени. Меня переполняла радость от сладкого вкуса жизни. Я предположила, что это оттого, что я впервые увидела зарождение великого чувства.

– Надо будет прийти сюда в мае, когда сирень зацветет, – произнес Даник, и мы сели на лавочку.

Я запрокинула голову и оглядела сирень. На миг голые тонкие ветки стали покрываться яркими крохотными сиреневыми цветками. В каждой цветке было по пять счастливых лепестков. Я поднялась на ноги и стала осматривать ту красоту, которую рисовало мне воображение. Величественный, в два моих роста куст переливался на свету своими лепестками. Я крутила головой, словно очарованная, а с лица не сходила улыбка. Сидящий на лавочке Даник с недоумением наблюдал за моим поведением и не произносил ни звука. Я же закрыла глаза, но продолжала видеть раскидистый куст, окутанный ласковыми лучами солнца.

– Что с тобой? – не выдержал Даник.

– Я представила, что наступил май, – ответила я.

Даник поднялся с лавки и, выпрямившись, встал передо мной. Я вернулась в реальность, но все еще по-дурацки улыбалась, взбудораженная увиденной картинкой. Я смотрела прямо в глаза Данику, который, поймав мой взгляд, собирался что-то сказать.

– Говори, – едва слышно произнесла я.

– Хочу, чтобы мы сыграли свадьбу сразу после окончания

школы, перед тем как я уйду служить, – проговорил он дрожащим от волнения голосом.

– Ты опережаешь события.

– Я не с того начал?

Я кивнула.

– Я люблю...

Недослушав Даню, я обняла его за шею и прижалась губами к его губам. Сердце застыло, как только мы коснулись друг друга. Стал ощущаться чудесный аромат расцветшей для меня сирени. Мы простояли, не шелохнувшись, несколько мгновений, которые растянулись для нас в чудесную бесконечность.

– Домой пора, – проговорила я шепотом, все еще не отпуская Даню.

Когда мы с Даней вернулись, ужин подошел к концу. Славик заставил папу и дядю Никиту играть в самураев, укутавшись в покрывала вместо кимоно и с зонтиками вместо катаны. Мама с Людмилой Петровной убирались на кухне. У меня вышло подслушать их разговор.

– Люда, все-таки расскажи, зачем ты посоветовала идти детям на казнь? – голос мамы звучал резко, не как обычно.

– Это правильно. Нельзя держать детей взаперти, а потом тут же окунать в наш беспощадный мир.

Я выглянула из прихожей. Учительница стояла у умывальника и тщательно драила каждую тарелку, подавая их маме, которая стояла рядом и досуха вытирала посуду полотенцем.

Выражение лица мамы было суровым. Она даже со мной такой редко бывала.

– Ты считаешь, что всего ужаса вокруг, дефицита продуктов, бомбардировок им мало? Ты посмотри на них! У них нет детства!

– Карина, они не будут такими, как мы. Да, у них отбирают детство. Но, согласишься, оно уже отобрано. Никто не говорит, что дети вырастут и станут хуже нас. Они будут другими. Твердыми, справедливыми. Мне порой кажется, что они смогут быть лучше, чем мы.

– А казнь?

– А что казнь? Казнь – это своего рода диктант, контрольный срез, – она передала вымытую тарелку маме.

– И моя дочь его сдала?

– Не знаю, – Людмила Петровна пожала плечами, – так сразу мы это не выясним. Но я хочу, чтобы ты мне доверилась, – добавила она и, сделав шаг к маме, поцеловала ее в щеку.

В каком бы безумии ни жил человек, он всегда будет искать и найдет время для радости. Мой мир – одно сплошное сумасшествие с кровью, разрушениями и вечной борьбой за выживание. Но люди в моем мире все равно добрые. Они улыбаются. Да, они плачут чаще тех, кто живет размеренной жизнью без комендантских часов и гула бомбардировщиков. Но после слез, после отчаяния, будьте уверены, они обязательно подумают о чем-нибудь светлом и улыбнутся. Может, не в компании друзей или близких, а сами себе, но обязательно улыбнутся. Это заложено глубоко в нас. Неумная жажда тепла и при этом стремление им поделиться. Только почему вместо того, чтобы беречь и преумножать это тепло, мы гасим его войнами? Когда на авансцену выходит война, любое проявление доброты ощущается гораздо острее. Оно трогает сердца всех. Даже тех, кому это добро не предназначалось.

В самой сердцевине, как ядро в нашей планете, запрятана любовь. Любовь – это такой тайный замысел, который уже давно раскрыт, но большинство не стремится его постичь. Времени не хватает. Или просто не верят в свои силы. Интересная картина выходит: все кругом понимают, что ради этого великого чувства ты родился, но сосредоточиться и начать исследование по его постижению и до конца осознать,

что оно все-таки из себя представляет, мало кто желает.

Но встречаются те, кто зажигают друг в друге эту искру и несут ее свечение до глубокой старости. И не важно, в один день они умрут или их смерти разделят десятки лет. Все равно искра оставшегося на земле не угаснет. Остается открытым вопрос: угаснет ли она после того, как не станет обоих? Мне кажется, человеку нельзя узнавать ответ на этот вопрос. Это должно оставаться загадкой и предметом совместных мечтаний...

Подготовка к концерту вдохнула в наш класс новую жизнь. Яркие эмоции от веселого процесса репетиций сменялись искренними слезами при исполнении выбранной песни. Первый день, когда наша Люда показала песню, которую мы будем петь, я запомню навсегда. Мы с Даней как всегда последними забежали в класс. Все ребята, сложив руки перед собой на парте, непривычно тихо сидели и смотрели на учительницу. Людмила Петровна возвышалась над старым синтезатором у доски. Она взглядом указала на парту и запела. Я первый раз слышала, как она поет. Это было прекрасно. Ее мягкий бархатистый голос пробирался внутрь каждого из нас и останавливал наши сердца. Незамысловатая мелодия и простые слова создавали эффект неподдельности. Ты верил каждому слову. Не ударяясь в высокую поэзию, казалось, что это наша Люда пела про себя, про свою судьбу. Она заставляла верить, что в основе песни не может лежать выдуманная история. Четырьмя куплетами рассказывалось, как мама, дочка и сын ждут своего мужа и отца с фронта. Сын и дочка выдумывают папе подвиги, а мама мечтает, как он скоро окажется рядом. Они греются вечерами от полученного месяц назад письма, как путешественники согреваются в лесу от костра. Песня заканчивалась проникновенными словами: «Обещай нам вернуться домой, мой муж, мой отец,

наш герой». Эта песня была про каждого жителя Республики. Любой гражданин страны переживал щемящее чувство ожидания встречи с близким человеком с фронта. Ученики нашего класса не были исключением. После первого исполнения Людмилой Петровной этой песни несколько минут в классе стояла полная тишина. Слышались только редкие всхлипы наших девчонок. Вдруг с места вскочила Василина и, подбежав к сидящей за инструментом учительнице, крепко обхватила ее за шею. Василина в прошлом году не дождалась отца и брата. Она, не сдерживая себя, рыдала в воротник блузки учительницы. Глаза Людмилы Петровны стали переливаться на свету, и она погладила Василину по ее черным волосам. Встав со своих мест, к ним подошли Кирилл с Васей, затем я с Даней и остальные. Мы обступили Василину и учительницу. Моя подруга Иля положила свою голову мне на плечо и тихо зашептала что-то неразборчиво. Наверное, она молилась. Нас всех охватило какое-то чувство общего горя. Слыша историю про избранность еврейского народа, я подумала, что наш народ проклят какими-то злыми силами. Мы обречены на вечные муки лишения и утрат. Ведь это ненормально, когда трагическая песня касается всех до единого. Мы простояли вместе несколько минут, вытирая слезы со щек друг друга и успокаивая рвущиеся изнутри вопли и стоны.

Весь вечер я провела с Антоном.

Закинув в рюкзак все необходимое, я двинулась к своему

тайному другу. То, что Антон именно мой друг, а не пленник и уж тем более не враг, я решила по дороге. На прошлой нашей встрече меня терзали мысли, что передо мной солдат, призванный убивать мой народ. А я его обхаживала и кормила. Война – это ведь взрослые игры. Им лучше известно, как надо поступать в таких ситуациях. А дети еще не понимают всех правил. Хотелось рассказать все маме. Так мне стало бы легче – так мы бы несли эту тайну, этот груз вдвоем. Эти мысли настойчиво скребли мою совесть. Сегодня все было по-другому: Антон – мой друг, и я все делаю правильно.

Зайдя на чердак, я увидела его сидящим под окном, откуда мы с Даней встречали самолет. Антон сидел, прислонившись спиной к деревянной подпорке, и смотрел в окно. Лицо его было весело и безмятежно.

– Что ты делаешь? Это же опасно! Тебя могут заметить! – вскрикнула я.

Антон медленно повернул голову ко мне и радостно и спокойно произнес:

– Не переживай. Я не высовывался. Просто смотрел на небо.

– Соскучился по полетам?

– Не только. Я не первый месяц в темноте. Не хочу ослепнуть.

Я подошла и села рядом, плотно прижавшись к плечу Антона. Мы стали вместе с ним разглядывать лоскут идеально голубого полотна.

– Давно сидишь?

– Давно, – Антон не отводил взгляда от окна.

Я перевела взгляд на противоположный край чердака, где за грудой хлама пряталось логово моего друга. От того угла к окну по пыльному и замусоренному полу проходила протертая тропа. Антон прополз это расстояние, чтобы увидеть небо.

– Ты устал? Давай я тебя донесу до лежака.

Мой друг неуверенно, шатаясь из стороны в сторону, встал на ноги. Он хмурил брови и сопел, недовольный, что ему трудно сделать шаг. Антон не желал помощи школьницы. Я стояла рядом, готовая в любой момент его подхватить. Он переминался на ногах и ворчал. Когда мне стало понятно, что он вот-вот рухнет на пол, я подхватила его, подставив плечо. Антон разочарованно выдохнул.

– Не переживай. Вернем мы тебе силы. Только постепенно, – выговорила я, затаскивая Антона к лежанке.

Под тяжестью моего друга я еле отрывала ноги. Антон пытался как можно меньше на меня опираться и идти самостоятельно. За весь наш путь до другого угла чердака у него вышло совершить пару твердых шагов. Дойдя до пола, устланного одеждой, мы повалились вниз.

Антон первое время ничего не говорил, пытаюсь успокоить свое участившееся дыхание. Я же раскрыла рюкзак и принялась доставать продукты. Сегодня это был куриный паштет с целой буханкой хлеба и двумя яблоками.

– Ты поешь со мной? – спросил Антон.

– Зачем? Я обедала, да и тебе нужнее.

– Сейчас война, трудное время.

– Ты думаешь, ты меня объедаешь? Все нормально. Мы зажиточная семья, – ответила я, отламывая толстый кусок хлеба. – Расскажи о себе, о своем детстве, как ты выбрал небо.

Антон перевернулся на бок ко мне лицом и начал рассказ:

– Мой отец и дед работали на корабле. Они были гражданскими моряками, перевозили грузы, пересекая моря и океаны. Повидали все континенты, выбирались из самых страшных штормов. Настоящие морские волки. Они готовили мне такую же участь. Понятно, что я не так часто видел своего отца, как хотелось бы, но я всегда им гордился и хвастался перед друзьями, у которых папы работали обычными бухгалтерами или юристами. Когда мне исполнилось четырнадцать, все уже знали, что меня отправят в мореходку. Такая семейная династия. Я тоже так думал до определенного момента. Но во мне все перевернулось всего за несколько дней, когда родители развелись. Я даже не понимал тогда, почему все так происходило. Почему мама в один миг так ополчилась на папу, а папа – на маму. Это теперь я знаю, что папа привез из похода венерическое заболевание, – Антон на мгновение осекся, не зная, можно ли со мной обсуждать такие темы, но, увидев мою улыбку, дающую понять, что я уже взрослая, продолжил: – Но его неверность не была так важна для меня.

В ходе развода вопрос о том, с кем должен остаться сын, не вставал. Точнее, он был разрешен быстро и ожидаемо: отец всегда в море, поэтому сын будет жить с мамой. Но меня почему-то задел этот вопрос. Я задумался, с кем, правда, я готов был бы остаться, если бы мне дали право выбирать. Стал под микроскопом разглядывать своих маму и папу. И внутри сразу появилось такое омерзение к отцу, какое я не испытывал ни к кому и никогда. Я вспомнил его пьяные выходки в те дни, когда он ступал на землю. Я стал понимать, что не хочу быть таким. Грязным, вонючим, с неровной рыжей бородой мужланом. Мной даже не рассматривался вариант, при котором моряк может быть образцом мужества, с идеальной выправкой и фигурой. Я был уверен, что если пойду в мореходку, то стану вторым отцом или третьим дедом.

Антон на мгновение задумался, и я протянула ему кружку воды и громадный бутерброд. Он откусил большую часть хлеба, отпил полкружки и продолжил:

– Не думай, что отец был чудовищем. Я видел много гражданских моряков в детстве и могу сказать, что он один из самых прилежных и опрятных из всей братии. Многие из его друзей отличались от обезьяны только тем, что у обезьян не встретишь перегара. Мой папа не претендовал на идеал, но все-таки не был так плох. Но в то время, когда они разводились, он мне казался самым ужасным человеком в мире. Злоба на него вылилась в мысль, что я не буду как он. Ни в чем и никогда. И первый шаг, который я совершил, – это

сказал маме, что ни за что не пойду в моряки. Мама, будто понимая мои мысли, сразу же поддержала меня.

– Ешь, я еще бутерброд сделаю, – произнесла я.

Антон закинул в рот оставшийся кусок.

– Моряки по своей сути существа ленивые. Их ходьба в море по большей части безделье. Конечно, им приходится порой несладко, но это только порой. Я хотел чего-то самостоятельного, ответственного и героического. Мечтал о прекрасной фигуре. Что мне осталось от папы, за что я ему благодарен, так это страсть к путешествиям. Соединив в себе все желания и «нежелания», я понял, кем хочу быть. Так я стал боевым летчиком, – он ненадолго замолк, а затем добавил: – Расскажи ты что-нибудь?

– А что рассказывать?

– О семье. Маме, папе. Папа у тебя, ты говорила, солдат.

По моим рукам побежали мурашки, а в горле пересохло. Мне стало страшно врать Антону о своем отце. Из памяти не уходила картина, как он с безумными глазами рвал нашивку.

– Да нечего особо рассказывать. Папа – солдат, мама дома сидит, еще брат есть младший, – быстро и сбивчиво стала говорить я.

– Как зовут брата?

– Слава, ему еще пяти лет нет. Он немного не успевает за сверстниками, но он хороший очень.

– Наверное, мама твоя переживала сильно, когда вынашивала его?

– Да. Тогда у нас тут все только начиналось, – произнесла я, глубоко вздохнув, и замолчала.

– Война ломает судьбы даже не родившихся людей.

Антон доел второй кусок хлеба и повернулся на спину, подложив руку себе под голову. Из-под закатанных рукавов камуфляжа выглядывала его широкая в предплечье рука. Несмотря на исхудавшее тело Антона, мне он казался очень могучим и сильным. Скорее всего, это потому что он был старше меня и моих сверстников на девять лет. Отложив рюкзак в сторону, я легла на лежанку, прижавшись к Антону и уложив голову к нему на плечо. Мимолетная неловкость, когда я решила лечь рядом, сменилась ощущением искреннего, почти семейного тепла. Антон пододвинул меня к себе еще ближе и стал едва уловимо трепетно поглаживать меня по волосам, отчего по телу пробежала чувственная прохлада. В каком-то волшебном возвышенном молчании мы пролежали некоторое время, пока не уснули.

Дома меня ждал грандиозный скандал. Антон проснулся сам и разбудил меня, когда уже стемнело. Я прибежала домой слишком поздно, чтобы не вызвать гнева моих близких. Мама к этому времени, взяв на руки Славика, уже оббежала Даника и Илю, но меня там не нашла. Она стала так грозно кричать на меня, что играющий на диване брат, не понимая, что происходит, громко заревел.

– Вот видишь, до чего ты довела брата! – завопила она.

Я только виновато кивала в ответ. Какие-то аргументы приводить было бессмысленно. Я лишь молилась о том, чтобы мама не начала расспрашивать, где я пропадала. Она же не переставала пилить меня за мое безразличие к родителям и даже к себе самой. Я подметила, что она сильнее гневается за мои проступки, когда папа, как сейчас, задерживался на работе. Что-то ее сдерживало, когда он был рядом. Может, она ждала, чтобы он стал «мечом семейного правосудия», так как он мужчина, или она его попросту боялась. Блуждая в таких раздумьях, я совершила страшную ошибку – по мне стало заметно, что я ее не слушаю.

– Ты меня вообще слышишь! – прокричала она. – Где ты была?

Я так спешила домой, что совсем забыла придумать себе легенду. Как дура молчала, выпучив глаза и приоткрыв рот,

и не могла ничего вразумительного произнести. Мама сильно схватила меня за запястье, посадила на диван и повторила вопрос.

– Я, – вырвалось у меня негромко, – гуляла.

– Юля, где ты была?

Мама явно мне не верила. Ее взгляд пронизывал меня насквозь, и казалось, что она уже сама все узнала, заглянув в мою голову. Я сидела перед ней, не произнося ни звука. В висках болезненно закололо. Страх и растерянность давили на грудь, лишая последних запасов воздуха. Мамины глаза приобрели насыщенный зеленый цвет. Переливаясь на свету, они словно таили нечто загадочное, почти колдовское.

– Не говори, куда ты ходила, – вдруг произнесла мама.

Я опустила голову.

– Завтра снова пойдешь?

– Да, – коротко ответила я.

– Я соберу тебе еду тогда.

Я подняла голову и удивленно посмотрела на нее. Ее лукавый взгляд сменился привычным добрым и ласковым.

– Ты все знаешь?

– Нет, – ответила мама, – просто знаю, что у тебя есть тайна.

– Мне тяжело с ней, – выговорила я и почувствовала, как увлажнились мои глаза.

Мама положила мои руки к себе на колени и поцеловала меня в губы.

– У меня тоже теперь будет тайна, – прошептала она.

– Какая?

– Тайна, что у тебя есть тайна, – ответила она и улыбнулась.

Мамочка, вспомнив те времена, когда я была совсем маленькой, уложила меня в кровать, накрыв одеялом до самого подбородка. В дверях комнаты, перед тем как выйти, она произнесла:

– Юля, я уверена, что ты все делаешь правильно.

Дверь закрылась, и я мгновенно уснула крепким и сладким сном.

По традиции утром у порога меня ждал Даник. Светящийся от нахлынувшего на него со всех сторон счастья. Его отец становился все ближе с нашей Людой, а он – со мной. Я проснулась почему-то с ненастным настроением. Так мы и пошли в школу. Даник по-дурацки кокетливо намекал мне о нашей скорой помолвке и будущей свадьбе, а я молча соглашалась со всеми его бреднями и думала об Антоне. Насколько все-таки мой тайный друг мудрее и интереснее, чем Даник. Конечно, Антон старше, и, может, к двадцати четырем годам Даник станет таким же взрослым и по-настоящему мужественным. Но в ту минуту мне милее был Антон.

В школе мой невеселый настрой отчасти пропал. Этому в первую очередь способствовала Людмила Петровна. Она была уже не просто нашей учительницей и красивой женщиной. Наша Люда обернулась в чарующий прекрасный цве-

ток. Цветок, наполненный любовью. Я заметила одну особенность этого любопытного чувства. Она заключалась в том, что любовь проливается на всех людей, кто находится рядом с носителем. Она делает всех счастливее, несмотря на то что ты полюбил только одного человека. Вот так. Кажалось, полюбил одного человека, а на самом деле полюбил целый мир.

Первым делом я подбежала к учительнице, которая сидела за своим столом, одаривая всех входящих в класс учеников солнечной улыбкой. Я попросила меня сегодня не спрашивать заданное стихотворение. Пробыв на чердаке до самого вечера, я не успела сделать уроки. Но официальной причиной моей неподготовки для учительницы стало отравление моего братика.

– Как сегодня он себя чувствует? – спросила Людмила Петровна.

– Спасибо, сегодня все хорошо. Так можно завтра рассказать?

– Ну конечно, Юлечка, – учительница приобняла меня за талию и улыбнулась.

Я всегда считала, что любовь к поэзии есть вообще любовь к прекрасному. По тому, как человек читает стихи, можно понять, способен ли он увидеть красоту в природе, в живописи или музыке.

Сестры Маша и Даша читали стихи первыми. Девочки прекрасно выучили выбранные ими произведения. Стихи с

помощью интересных рифм и сравнений восхваляли родные красоты. Но, чтобы это понять, я предприняла максимум усилий. Дело в том, что сестры по призванию были скорее физиками, а никак не лириками. Вся их игра с интонацией, паузами (а у Даши еще с жестикуляцией) смотрелась по-идиотски наигранно. Весь вечер они, наверное, рассказывали друг другу свои стихи и выдумывали свои образы, оттого и вышло у них одинаково безвкусно.

Следующей вышла к доске Василина. Наша красавица специально подобрала себе наряд – черное короткое платье с гигантской алой розой у шеи. Произведение она выбрала сугубо женское и, как по мне, глупое, но прочитала она его превосходно. Задача Василины, уверена, состояла в том, чтобы в очередной раз произвести впечатление своей грацией и женственностью на мальчиков.

За Василиной к доске пошел наш неисправимый чудак Аркаша. В своей манере он выбрал заумное с претензией на иронию стихотворение. Чтобы мы понимали, в каких строчках прячется «смешно», он изображал улыбку (получалось весьма мерзко) и даже прихрюкивал. Все и правда хохотали, но только от Аркашиных кривляний. Даже Людмила Петровна не смогла удержаться от смеха. Аркаша пошел к своему месту, переполненный гордостью, не поняв, что послужило причиной такому веселью.

Громче всех гоготали Кирилл с Васькой. Подметив такую веселость, учительница вызвала их к доске. Тут не произо-

шло ничего необычного: монотонное чтение, запинки, забытые слова. Я даже не поняла, о чем стихи.

Следующим вышел Саша. Его страсть к чтению помогла ему найти стихотворение, о котором ничего не знала даже Людмила Петровна. Прочитал ровно, везде, где надо было, выдержал паузу, где надо – ускорился, выбирал оптимальную интонацию. Словом, противно стало слушать такое гладкое выступление.

Моя подруга Иля прочитала свое произведение о любви так проникновенно и волнительно, что еще одна строфа – и я бы зарыдала. Ее тихий ласковый голос только усиливал ощущение трагичности любви, о которой она поведала. Весь класс замер, впитывая каждую произнесенную строчку, каждую рифму. После того как она закончила, класс стал аплодировать. Кирилл с Васей кричали «браво». Иля же смущенно улыбнулась и пошла к своей парте.

Последним твердой походкой к доске вышел Даник. Он расправил плечи, повернулся вполборота к нашей с ним парте и начал читать, не отводя от меня глаз. Строчки о любви размером со Вселенную звучали уверенно и громко, будто зачитывалась присяга. В этом была особенная прелесть. Эта твердость обладала неопишуемой притягательностью. Но это если смотреть со стороны. Я же чувствовала затылком ехидные ухмылки некоторых одноклассников, видела злое лицо влюбленного в меня Кирилла, завистливый взгляд Василины. Сначала хотелось вовсе отвернуться, сделав вид, что

чем-то занята и не понимаю сути происходящего. Учительница глазами мне показала, что я обязана уделить внимание возлюбленному. Мне пришлось повернуться к нему, выпрямиться и с таким же каменным, как у него, лицом прослушать стихотворение. Благо оно оказалось недлинным. Я не могла разобраться, приятно или нет мне все это. Вроде бы Даник, воплощение подрастающей отваги и силы, совершает романтический милый поступок, но меня перекручивало изнутри от неловкости и даже стыда. Когда стих закончился, класс зашумел, начиная увлеченно обсуждать выступление. Кирилл выкрикнул что-то едкое в адрес Даника. Василина, сидящая за мной, произнесла мне на ухо нелепую поздравительную речь.

– Данила, присаживайся, – произнесла Людмила Петровна, и Даник сел рядом со мной.

– Ну как? – негромко спросил он, покосившись на меня.

– Сильно, спасибо, – не выдумав ничего лучше, ответила я и показала большой палец.

Дорога домой прошла без слов. Я видела, как Даник расстроился, так как ожидал другой от меня реакции. Я же ничего, кроме скромного «прости», не смогла из себя выжать. Даник, обидевшись, довел меня домой и без слов попрощался, просто махнув рукой.

Замешательство улетучилось, когда я зашла домой. Мама подготовила к моему походу к тайному другу целый рюкзак, где я нашла небольшую декоративную подушку, что лежа-

ла у нас в гостиной, одеяло, а также теплые оладьи, яблочный джем и бутылку молока. Как человек, не знающий моей тайны, может точно угадывать, что мне нужно? Или ей все известно? На мой вопрос об этом она вновь, улыбнувшись, только подмигнула мне.

Ближе к вечеру я пошла к Антону. Каждый шаг, приближающий к нему, делал меня немного счастливее. Зайдя во двор, я остановилась. Впервые за все время у подъезда, куда я направлялась, кто-то стоял. Я сбавила темп, чтобы не привлекать внимание, и неспешно двинулась к двери. У входа, переминаясь, задрал голову к небу, стоял дедушка в старой солдатской шинели, несмотря на теплую весеннюю погоду. Сильный ветер трепал его седую длинную бороду и редкие волосы. Старик с вдохновенным лицом смотрел на летящий по небу клин журавлей. Словно погружаясь на глубину, я вдохнула побольше воздуха и собралась уже пройти мимо него, как он вдруг произнес:

– Ты что-то ищешь?

Потеряв дар речи, я взглянула на старика, который продолжал смотреть за растворяющимся в небесной сини клином. Когда птичья статья окончательно исчезла, он опустил голову и взглянул на меня. Его впалые глаза на сморщенном лице ярко заблестели.

– Я котенка потеряла, – выдала я безобидный ответ.

– Котенка? – переспросил он.

– Да, – произнесла я. Мой голос совсем уже меня не слу-

шал, дрожа и прыгая то вверх, то вниз.

– Как выглядел твой котенок? – продолжал он свой допрос.

– Рыжий, с белым пятнышком на грудке, – не переставала выдумывать я.

– Посмотри на чердаке.

От страха у меня помутнело в глазах. Старик вытянул сухие тонкие руки из рукавов толстой шинели и почесал длинную бороду, продолжая словно изучать меня. Затем он медленно, хромая на одну ногу, подошел к двери и отворил ее.

– Проходи, не бойся, может, он там.

Я не знала, как себя вести. Убежать домой и вернуться ночью, когда его не будет? Зайти внутрь, как ни в чем не бывало? А вдруг он пойдет со мной на чердак? Последняя мысль вызвала у меня панику.

– Иди же, – проговорил он, держа передо мной открытую дверь.

Испугавшись собственного промедления, я вбежала в подъезд и стремительно поднялась на два этажа выше. Вбегающая внутрь, я проклинала себя, уверенная, что это худший вариант и я подвергаю Антона смертельной опасности. Но я стояла уже в подъезде. Отдышавшись, я прислушалась, не поднимается ли старик за мной. В подъезде только раздавался свист ветра, прорывающегося через старые треснувшие окна. Перекинувшись через окно, я увидела седую лысеющую голову у подъезда – старик за мной идти не собирался.

Можно было подниматься дальше на чердак.

Антон полусидя дремал на чердаке, укрыв себя всей имеющейся одеждой. Под редкими лучами заходящего солнца его приятное лицо светилось белизной. Все-таки он мне нравился. Исхудавшее лицо потеряло болезненный оттенок. В нем теперь ощущалась жизнь, в отличие от первой встречи, когда казалось, что дни его сочтены. В спокойствии чувствовалась некая уверенность, что он владеет ситуацией и знает, что делает сейчас и будет делать завтра. Даже теперь, взаперти, в тылу врага он знал, как поступит. Я тихо, не создавая шума, приблизилась к мирно посапывающему другу, достала одеяло и, сбросив все тряпье, накрыла его.

– Привет, – послышался негромкий голос.

Обернувшись, я увидела его темные глаза и добрую улыбку. Мои руки потянулись в рюкзак за подушкой.

– Ничего себе! Откуда это все?

– Мама передала.

– Она знает?

Подложив подушку ему под спину, я рассказала о моем разговоре с мамой, ее реакции и приготовленном для него ужине. Видя его сконфуженное лицо, я стала отгонять от Антона подозрительные мысли:

– Не бойся. Мама хорошая. Она тебя не выдаст.

Я протянула ему тарелку с оладьями и банкой джема, как подтверждение маминой безобидности и даже полезности. Антон улыбнулся, но в нем я все равно видела некоторую

настороженность.

– Юля, мне надо бежать.

– Как ты побежишь? – я саркастически хмыкнула. – Ты даже ходить не можешь толком.

– Давай учиться.

Я не знала, что ответить. Ко мне пришло осознание, что не хочу, чтобы Антон уходил. Я готова была ходить к нему каждый день на этот чердак, вырываться на ночь, пропускать уроки. Мне не хотелось забывать о нем. Это я считала слишком малым для меня, для моих к нему чувств. Это как подкормить брошенную собаку. Сиюминутное проявление человечности. Но все происходящее имело гораздо большее значение, чем встреча с уличной дворнягой. А Антон хотел восстановиться и просто уйти. А что останется мне? Чувство выполненного долга? Это не то чувство, которого я желала.

– Когда начнем разминать твое тело? – спросила я с наигранной радостью.

– Планов на сегодня у меня нет. Можно сейчас.

– Тогда садись вот так, – я убрала из-под спины Антона подушку, а сама села напротив, вытянув ноги вперед, – начинаем вращение головой. Раз, два, три. Теперь в обратную сторону. Раз, два, три. Прекрасно. Следующее упражнение: разминка ладоней и ступней.

Антон все выполнял старательно и предельно сосредоточенно. Он внимательно разглядывал процесс вращения соб-

ственных рук и ног. После пятнадцати минут физкультуры на его лбу проступила испарина и появилась одышка. По его искажившемуся лицу стало понятно, что ему больно выполнять определенные упражнения. В особенности поочередное поджатие под себя ног. На мое предложение закончить на сегодня занятие он ответил категорическим отказом. Спустя еще полчаса он рухнул на землю с блаженной улыбкой.

– Все, хватит, – произнес он устало и довольно.

Я поднесла к его рту бутылку молока, из которой он с жадностью отпил половину. Сделав сама пару глотков, я уложила подушку на живот Антону и легла на нее.

– Так я совсем скоро поправлюсь, – его рука легла мне на волосы.

– Точно, – согласилась я, чувствуя горечь на душе. – Расскажи, как тебя сбили?

– Меня не сбивали. Я сам упал. Неисправность в самолете. На самой границе. Я зацепился парашютом за сосну, и меня подобрала ваша.

– Ну ты неудачник! – засмеялась я, но Антон меня больно схватил за ухо, так что я вскрикнула.

– Но-но! Попрошу! – весело сказал он, и его рука вновь стала ласково гладить меня по волосам.

– Антон, – произнесла я серьезно.

– Что?

– Ты сбрасывал бомбы?

– Да. Я уничтожил несколько ваших складов.

– А людей сбрасывал?

Ладонь Антона замерла. Наступило долгое и мучительное молчание. Молчание, которое послужило мне ответом. Молчание, в котором я слышала рев турбин, видела летящих вниз граждан моей страны. Перед глазами сидели на коленях на тротуарной плитке плачущие родственники.

– Сколько человек ты сбросил? – спросила я, чувствуя за тылком напряжение моего друга.

– Мне не приходилось сбрасывать людей, – резко ответил Антон, – я сидел за штурвалом. На казни вылетал только два раза.

– Почему ты не отказался?

– Мне отдавали приказ. Я солдат, который любит свою страну.

– А я свою, – сдерживая негодование, ответила я.

Между нами вновь воцарилось тягостное безмолвие. Некоторые время мы пролежали, блуждая каждый в своих собственных темных коридорах разума, то и дело заходя в тупики. Мне казалось, что меня кто-то обманул. Подсунул когда-то ложную истину, которую я приняла на веру, и теперь не могу понять, кто во всем этом прав, а кто виноват. А этот кто-то стоит надо мной, растерявшейся, не понимающей, что все-таки происходит, и хохочет. Антон, думаю, тоже ощущал себя отбившейся от отары овцой и плутовавшей по склонам гор, которая не может разглядеть даже собственного носа из-за осевшего на землю густого тумана.

Вдруг я почувствовала, как рука Антона сильнее прижимает к себе. Я пододвинулась к нему всем телом и ощутила воздух, гуляющий по моим волосам, от его тяжелого дыхания. Мы лежали, тесно прижавшись, и не произносили ни слова. словно испугавшись собственных тупиков, мы стали искать утешение друг в друге. Его большая рука крепко обхватила мою ладонь, отчего сделалось непередаваемо тепло в груди. Желая быть как можно ближе, я прижималась к нему сильнее. Мне было невероятно хорошо. Чердак словно стал моим домом, а Антон – любящим супругом. Мы долгое время пролежали так, пока Антон не произнес:

– Не будем сегодня расстраивать твою маму. Тебе пора.

Я повернулась под его рукой к Антону лицом. Он продолжал меня обнимать. Я встретилась глазами с его ласковым взглядом. Его губы были приподняты в легкую добрую улыбку. Мне захотелось его поцеловать. Вдруг он сам потянулся ко мне губами. Я застыла. Он прикоснулся своими мягкими губами к моему носу.

– Тебе пора, – повторил он, ослабляя объятия.

С переполненными от счастья глазами я выскочила из подъезда и понеслась вниз по лестнице, звонко цокая каблуками по ступенькам. Я вспомнила, как Антон рассказывал про полет, когда весь мир создан для тебя. За окном солнце полностью скрылось, оставив наш город на растерзание беззвездной ночи.

Выйдя из подъезда, я оцепенела – у дверей стоял тот же

старик и пристально смотрел на меня. Он словно не сходил со своего места и ждал, когда я вернусь. Старик заглянул в мои ошарашенные глаза и произнес с некой усмешкой:

– Нашла котенка?

– Нет, – коротко ответила я.

Старик заулыбался. Моя эйфория сменилась беспощадной оторопью. Мне хотелось убежать, но что-то меня останавливало. В голове закипали мысли. Что думает старик? Почему он молчит? Он понимает, что на чердаке я провела несколько часов?

– Вы здесь живете? – спросила я, собрав все свое самообладание.

– Уж шестьдесят лет, – ответил старик, – скажи, где живешь ты.

– Зачем это вам?

– Если найду котенка, то принесу, – может, от страха, но в его взгляде я заметила нотки холодного коварства.

– Гвардейская, 67, – сказала я старику адрес Даника, – мне надо идти.

Я пустилась со всех ног домой. Мне хотелось поскорей оказаться там, где тишина и спокойствие, где я просто школьница и от меня ждут лишь прилежного поведения и сделанных уроков. Где от меня не зависит жизнь человека.

«Надо будет рассказать об этом старике Антону, он должен знать», – в конце дня перед сном подумала я.

Этой ночью я учила стихотворение. Помня о позоре, что устроил мне в школе Даник, еще днем я хотела выбрать совсем далекое от романтики произведение. Однако к вечеру впечатления сгладились. Поступок Дани уже не казался таким страшным. Даже забавным и трогательным. А прекрасное окончание дня с Антоном вконец убедило, что стихи должны быть о чувствах. И я их нашла. Точнее, не так. Они сами меня нашли. Открыв в гостиной шкаф, переполненный книгами, с верхней полки на меня грохнулся небольшой том в мягком переплете. Это оказался сборник любовной лирики. Веря в предначертанное, я аккуратно, заложив страницу, на которой открылась книга, пошла к себе в комнату. Мне достался стих, от некоторых строк которого замирало сердце.

С первых слов я поняла, что это стихотворение для меня, хоть оно и от имени мужчины.

Я понимаю, что должна быть с Даней. И я буду с ним. Просто мне надо отправить моего друга к себе домой. Мне кажется, что я ему нужна. Я буду с ним до тех пор, пока он не уедет, а потом вернусь всей душой к Данику. Я полюблю его еще отчаяннее и безрассуднее, так как буду перед ним виновата. Но этот груз вины навеки должен остаться со мной.

Я приняла решение, что, когда буду рассказывать стихо-

творение в классе, ни в коем случае не посмотрю на Даню. Во-первых, это будет неправильно. Точнее, не совсем правильно. Сейчас я мыслями с Антоном. Во-вторых, это будет еще и такой элемент кокетства с Даней. Не стоит забывать, что я в первую очередь девушка и поиграть с чувствами мужчин у меня в крови. К тому же я сильно обидела вчера Даню своим безразличием к его поступку. Стоило бы изящно извиниться. Он обязательно поймет, что эти строки для него. Словом, со всех сторон я окажусь в выигрыше.

Через пару недель Даник будет отмечать свое шестнадцатилетие. Надо будет обязательно придумать для него нечто особенное. Заставить его расчувствоваться от моего сюрприза. Ха, представляю себе всегда сдержанного Даню с влажными от восторга глазами, когда я вручаю ему подарок. Последнее время он, наверное, ощущает, что я к нему охладела. Надо исправить это и показать, насколько он мне дорог. День рождения – прекрасный повод это сделать.

Я вдруг представила, что убегу вместе с Антоном. Мне кажется, его встретят на родине героем. Он ведь вырвался из плена! И меня начнут обхаживать в его стране. Я помогла ему! Меня обступят журналисты, покажут по телевизору. Мы станем с ним звездами!

Погода день за днем стремительно неслась к теплу. Апрель в этом плане особенно прекрасен. Кожа впервые за долгое время может понежиться на солнышке. Только голодно-му по-настоящему известен вкус хлеба. Только после лютой зимы и склизкого марта ощущаешь всю прелесть первых ласковых лучей солнца, нежность теплого ветерка, мягкость зеленого ворса под ногами.

Уже совсем скоро праздник пятилетия независимости и наше выступление. За эти пару недель в моей жизни произошло несколько занимательных событий, о которых сейчас расскажу.

В школе мы решили взять в хор десяток детей помладше. На совместном собрании (ух, как же я обожаю все эти совещания под руководством нашей Люды) мы пришли к мнению, что возраст нашего класса не играет нам на руку. Всех взрослые пятнадцатилетних подростков считают грубыми, непослушными, порой даже агрессивными. Как таким хором из подрастающих бунтарей и нигилистов вызвать умиление? Как бы мы ни старались, какую бы чувственную песню ни выбрали, едва ли у нас это выйдет. А вот шестилетние дети с их светлыми еще незамутненными глазками и оголенными чувствами – это беспроегрывный вариант. Уже после первой репетиции мы поняли, что все сердца на площади будут

завоеваны. Дети были очаровательны. Но самое превосходное, что взяли даже моего Славика! Он еще только учится разговаривать, но его милость отметил каждый. Он так старательно подражал нашему пению и легко запоминал мелодию, что со стороны не замечалось, что он совсем не поет. Самого Славика переполняли эмоции от происходящего. После каждого окончания песни он начинал лучезарно улыбаться и хлопать в ладоши от радости. Мы все понимали, что во время выступления он будет самой главной звездой. Для пробуждения еще больших чувств у публики на последнем куплете я должна буду, взяв за руку Славика, выйти на передний план и пропеть одна последние две строчки. Все выступление, как выразилась Василина, выходило чрезвычайно душепронизывающим. Как нам объявили, вместе с последним куплетом начнется военный парад. В общем, мы уже предвосхищали грандиозное зрелище и триумф.

Я ожидаемо отдалилась от Даника. Но несильно, чтобы вскоре сблизиться с ним уже навсегда. Благо момент можно считать подходящим. Мой Даник особо не замечал охлаждения наших чувств, поскольку пребывал в невиданной эйфории. Людмила Петровна переехала к ним жить! У Дани появилась настоящая, искренне любящая его мама! Моя мама рассказала, что дядя Никита и наша Люда даже свадьбу собирались сыграть. Настоящую, пышную, с гостями, воздушными шарами и шампанским. Мне кажется, если бы я увидела на нашей Люде белоснежное воздушное платье и фату,

то от восхищения сердце бы остановилось. Она и так у меня ничего, кроме восторга, не вызывает, особенно сейчас, когда так влюблена. А тут в платье невесты. Но планам не суждено, судя по всему, сбыться. Злость наших врагов последнее время обострилась. Держава с остервенением, которое наблюдалось у нее только в первый год войны, стала нападать на наши границы. Боевые действия разгорались в разных точках со всех сторон страны. Это сказывалось на благосостоянии и настроении всех. Поэтому дядя Никита решил скромно обручиться с Людмилой Петровной у главнокомандующего в Доме Правительства в присутствии только нашей семьи. По законам военного времени главнокомандующий имел право заключать браки. Обручение назначили на следующий день после майского праздника независимости и сопротивления. Я с нетерпением жду этого дня. Пример дяди Никиты и нашей Люды вселил в меня веру в неминуемое счастье для хороших и порядочных людей.

Антон за это время совсем поправился. Простые упражнения, поставившие его на ноги, мы выполняли с ним ежедневно. Иногда я приходила к нему в гости, а он уже лежал изнуренный оттого, что, не дождавшись меня, позанимался самостоятельно. Но, немного отдышавшись, он вновь начинал тренироваться вместе со мной. Словом, физкультура и мамины оладушки его полностью восстановили. Здоровый, сильный и жизнерадостный, он еще больше вселял чувство обожания. Выздоровев, Антон вычистил почти до блес-

ка чердак. Теперь здесь вся пыль и мусор лежали в противоположном углу, паутина с крыши была убрана, строительный хлам выстроен таким образом, чтобы полностью закрывать от постороннего глаза тайное жилище. Я была даже против такой кристальной уборки – больно это подозрительно смотрелось, но потом поняла, как трудно ему который месяц чахнуть в этой сырости и грязи.

Сегодня я рассказала ему о моей встрече со странным стариком у подъезда. Антон внимательно выслушал меня, а затем спросил:

– Борода такая седая длинная, в шинели.

– Ты его знаешь?

– Да. Это Андреич. Он ходил ко мне до тебя.

Меня передернуло от последней фразы. Мне захотелось даже обидеться и уйти. Пусть бы подумал над поведением.

– Как он? – спросил Антон удивительно спокойно.

– Вроде ничего. Он живет в этом доме.

– Ясно.

– Почему он перестал помогать тебе?

– Андреич узнал, кому помогает. Сначала он принял меня за беглого зэка. Это в целом недалеко от истины. Он сам имел по молодости проблемы с законом, поэтому помогал. Но новость о том, что я враг, его сильно расстроила.

– Но тебя он не выдал.

– Да.

– Почему?

– Потому что он ненавидит вашу власть.

– Как? У него Держава казнила кого-то из родственников? – мне в голову не приходило, что может быть другая причина.

– Нет. Он просто считает ваших правителей фальшивыми, необразованными и глупыми вояками, которые могут привести свой народ только к нищете и гибели.

– Этого не может быть! – вскрикнула я.

– Но самое ужасное, считал он, что люди будут гордиться собственной народностью и умирать от пули или голода с улыбкой на устах, потому что им прополоскали мозг выдуманной идеологией. Он считал, что граждане умирают уже к шестнадцати годам, когда их мозг превращается в примитивный пылесборник, в который государство запикивает все, что захочет.

– Это все неправда! А даже если так?! Что нам делать?! А как же полувековое угнетение Державой нашего народа? А эти казни?! Что на это он говорил?

Антон рассматривал мое обезумевшее лицо. Его рот растянулся в едва заметную улыбку. Я же вскочила с пола и носилась взад-вперед, не веря тому, что кто-то может такое подумать о наших руководителях, которые не видят собственные семьи ради благополучия страны. У меня внутри все кипело от возмущения, злобы и несправедливости. Мой папа пропадает на работе, чтобы кто-то его так ненавидел?

– Так что он на это говорил? – грозно повторила я.

– Я не знаю. Но он уверен, что еще ни у кого не выходило управлять народом, опираясь только на его чувство единения и братства.

– Хорошо! Если он так ненавидит Республику, чего же тогда не уедет в Державу? Путь ведь открыт!

– Державу он ненавидит еще больше.

– Ха! Как такое может быть? Либо одну страну надо любить, либо другую.

– В нашей стране тоже не все хорошо, – спокойно произнес Антон.

– Еще бы! Мне папа рассказывал, кто вы такие, – усмехнулась я.

– Уверен, что твой отец очень мудрый человек, раз так воспитал тебя, – Антон продолжал говорить мягко и рассудительно.

– Это сарказм?

– Моя страна доверху напичкана ложью, двуличностью и алчностью. Твой отец отчасти прав.

После этих слов я немного успокоилась, села рядом с Антоном, положила ему руку на плечо и спросила:

– И ты все равно туда хочешь?

– Да. Там стоит мой первый велосипед, ржавый, с двумя маленькими пластмассовыми колесами по бокам. У тебя есть такой? Наверное, таких уже не делают. Там над рекой растет огромная ива, – он руками изобразил все величие дерева, – к суку ивы привязана тарзанка. С нее я прыгал в во-

ду. Еще там доживает свой век моя первая учительница, там хоронят моих сослуживцев. Там в старой «однушке» ждут меня мама и папа.

– Давай перевезем твоих родителей к нам. А ты пойдешь на фронт наемником. Там всех берут, не спрашивая, кто ты такой.

– Предлагаешь мне убивать своих собратьев?

– Моих же ты как-то убивал! – снова повысила голос я, но затем, смягчившись, добавила: – Останься здесь.

Я обхватила его руку и уткнулась головой в плечо. В горле першило от горечи того, что я знала, что он не останется. Я желала, чтобы он воссоединился со всем, что ему так дорого, но одновременно хотела всегда видеть его рядом.

– Возьми тогда меня с собой, – произнесла я, хотя сама не верила, что готова уехать.

– Нет, Юля. Ты должна оставаться здесь. В этих краях растет твоя ива над рекой.

Дальше мне трудно вспомнить последовательность того, что происходило. Я начала громко реветь, обвиняя двумя руками Антона, после судорожно целовала его лицо, роняя свои слезы ему на щеки. Обессиленная, вскоре я просто упала ему в ноги и беззвучно зарыдала, захлебываясь от обиды на судьбу.

Перед уходом, стоя в дверях с распухшими от слез глазами, я твердо произнесла:

– Начинай прощаться с чердаком. Завтра твой последний

день здесь.

Мое желание придумать для Дани на день рождения самый чудесный и запоминающийся подарок куда-то исчезло, и я приняла предложение мамы подарить Данику торт, лично мной приготовленный. Это на самом деле драгоценный подарок. Просто, когда я готовлю, у меня выходит чуть вкуснее, чем слепленные Славиком куличики из грязи. Я не знаю, что это за проклятье, но дома мне официально запрещено подходить к плите. И вот целую неделю мы едим торты. Я приняла предложение мамы с таким расчетом, что она сама его приготовит. Но мама оказалась коварной женщиной. Первый торт мы готовили за неделю до назначенной даты. Точнее, мама выпекала, а я изучала кулинарные методики. Торт вышел божественный. Всей семьей мы его умололи за полтора дня. Следующий торт я испекла сама под чутким руководством и с точечными корректировками мамы. Он тоже получился неплох. Увесистый кусок я отнесла Антону. Он был в восторге. Хотя его мнение весьма субъективное, учитывая, что он у меня всегда голодный. Третий торт я приготовила полностью сама. Мама лишь молча наблюдала и помечала в блокноте ошибки. Это было фиаско. Деревянные коржи, залитые приторной клейкой жижей, выбросились в урну. После проведенной работы над ошибками последний четвертый торт готовился уже непосредственно к столу именин-

ника. Я незаметно отломилла краешек коржа, чтобы не быть причиной праздничного отравления, и попробовала. Вышло довольно сносно.

К празднику я подготовила самое красивое вечернее платье. Бирюзовое с черными широким поясом и черными камушками около шеи. Мне оно очень шло. Раз я считаюсь возлюбленной Даника, то на его празднике я должна выглядеть сногшибательно.

Папочке в связи с тем, что на границе стало жарко, вырваться на ужин не получилось. В гости я пошла с мамой и Славиком. На вытянутых руках два квартала, что отделяли нас, охваченная гордостью за себя, я несла приготовленный мной торт. Вкусность мы накрыли прозрачной крышкой, так что все прохожие могли видеть мое произведение кулинарного искусства.

В дверях нас встретил нарядный Даник в классическом черном костюме, белой рубашке и бабочке. Увидев мое роскошное платье, он расправил плечи, а лицо его засияло. Мама с порога принялась обнимать именинника и одаривать комплиментами. Славик протянул ему свою самодельную открытку почему-то с изображениями танков и вертолетов.

В прихожую вбежала Людмила Петровна в заляпанном переднике. Волосы ее были небрежно убраны назад.

– Вы уже пришли. А я не успеваю. Ну, что ты стоишь, – обратилась она к Дане, – помоги Юленьке.

Я протянула ему поднос с тортом и произнесла какую-то

поздравительную ерунду. От непонятно откуда возникшего волнения поздравительная речь вышла сбивчивой, скомканной, и вообще репетировала я совсем другие, куда более красивые слова. Даник любезно поблагодарил, подхватил торт и поцеловал меня в щеку. Это был первый наш публичный с Даней поцелуй. Пока я разувалась, Даня отнес торт на кухню и вернулся к нам. Мое испортившееся настроение из-за своего поздравления вмиг улучшилось, когда Даня, провожая меня в зал, чувственно шепнул:

– Очаровательно выглядишь.

Зал по углам был украшен воздушными шарами, с люстры свисали цветные ленточки и новогодняя мишура, на стене висел огромный плакат с надписью «С днем рождения!» и приклеенными к нему забавными детскими фотографиями. Стол в зале ломился от всевозможных блюд: филе рыбы в кляре, бараньи ребрышки, различные салаты и даже бутерброды с икрой. Первый семейный праздник дядя Никита и Людмила Петровна решили отметить с размахом. Скорее всего, продукты являлись конфискатом. Такие люди, как мой папа или дядя Никита, имели доступ к подобным товарам, и порой нас с Даней баловали редкими вкусностями.

– Присаживайтесь. Никиты до сих пор нет, – зайдя в зал, произнесла Людмила Петровна.

– А его отпустили? Наш папа третий день пропадает на работе, – спросила мама.

– Да. Он отпросился. Но ближе к полудню срочно поехал

на какую-то заставу на севере. Сказал, часа три там проведет, да все никак нет.

Людмила Петровна заметно нервничала. Ее голос лился быстро и неразборчиво. Для нее первый семейный праздник являлся своеобразным тестом. Она предложила всем нам усаживаться, а сама спешно покинула комнату, чтобы привести себя в порядок. Рассаживаясь, Даник галантно отодвинул мне стул. Мы вместе с Даней сели рядом у основания стола. Воодушевленный праздничным настроением, Даник под столом взял меня за руку и переполненный радостью стал разглядывать меня, мою маму и Славику. В зал зашла Людмила Петровна. В длинном до пят темно-синем платье и сверкающей диадеме на голове. Ее распущенные светлые подкрученные волосы спускались к оголенным плечам. Даник подскочил с места и едва слышно произнес:

– Вы, то есть ты, очень красивая.

Если бы я не была так же, как Даник, очарована нашей Людой, то я бы обязательно приревновала к ней.

– Прекрасно смотришься, – тепло произнесла мама, у которой отношения с Людмилой Петровной становились все лучше и лучше.

– Спасибо, – наша Люда улыбнулась, – сегодняшний праздник будет, я так понимаю, без наших мальчиков.

– Ну, главный мальчик у нас есть, – мама показала на Даника.

– И еще Славик, – добавила я, наблюдая, как брат ковы-

рятся ложкой в салатнице.

Вечер проходил тепло и весело. Мы с Даником радовались, что наши мамы на глазах становились лучшими подружками. Они легко понимали друг друга. Любая тема, поднятая одной, оказывалась очень любопытной для другой. Блюда Людмилы Петровны были восхитительны, и тема готовки стала чуть ли не главной в этот вечер. Периодически увлеченную беседу мамы и нашей Люды разрушал Славик, выворачивающий на себя тарелку или роняющий на пол бутерброды. К середине вечера Людмила Петровна постучала ножом по бокалу, требуя тишины, и поднялась со стола.

– Можно я скажу тост? – она подняла бокал. – Данила, ты прекрасный, умный, честный.

– И красивый, – вставила мама.

– И красивый парень. Я рада, что мы теперь живем вместе.

– Ты теперь моя мама, – очень уверенно произнес Даник.

– Да? Спасибо большое, – Людмила Петровна проглотила образовавшийся от напряжения ком. – Плохо, что с нами нет твоего отца. Но мы потом ему скажем, – она на мгновение замолчала, – у тебя будет брат или сестра.

– Людочка! – воскликнула мама, и, поднявшись с места, бросилась обнимать Людмилу Петровну.

Я захлопала в ладоши, а потом тоже подскочила со стула и, подбежав к маме и нашей Люде, стала вокруг них прыгать и обнимать. Людмила Петровна смущенно вжала голову в плечи и принимала наши объятия и поцелуи. Славик зали-

ковал вместе со всеми, забарабанив вилкой по столу. Немного успокоившись, я, мама и Людмила Петровна посмотрели на Даника, неподвижно сидевшего на стуле. Я вопросительно кивнула в его сторону, намекая, что он должен что-то сказать. Его голубые глаза переливались на свету от слез счастья. На растерявшемся лице промелькнула робкая улыбка, и он выговорил:

– Хочу, чтобы у меня был брат.

– Будет, обязательно будет! – радостно крикнула я и хлопнула его по плечу.

Продолжение вечера вышло еще веселее. Мы все дружно улетели фантазиями в недалекое будущее, где Даня будет нянчиться со своим братишкой, а я обязательно буду ему помогать.

– А как же учеба? Я лишь бы к кому в школу не пойду. Кто будет нам преподавать? – спросила вдруг я.

– Обещаю, что найду себе достойную замену, – расхохотавшись, ответила Людмила Петровна, – ну, может, отведаем твой торт?

Когда Славик увидел в своей тарелке кусок торта, он недовольно фыркнул и отставил его в сторону. Мы с мамой тоже без особого желания ели третий раз за неделю один и тот же торт. Зато Даник, расхваливая меня, проглотил почти целиком три куска. Людмила Петровна тоже по достоинству оценила мои старания.

К концу вечера, когда наши мамы на кухне мыли и убира-

ли, мы с Даней пошли в беседку, что стояла у него во дворе. Вечер выдался удивительно теплым и богатым на огромные ослепительные звезды. Даник сел на лавку, а я легла на нее, вытянув ноги и положив голову ему на колени.

– Вот скажи мне, – начала я, – а ты будешь ревнивым мужем?

– Очень.

– Это прекрасно. Потому что я считаю это самым ярким проявлением любви, – я отвечала тихо и монотонно, закрыв глаза и представляя наше с Даней прекрасное семейное будущее.

– Тогда скажи теперь ты, – подхватил Даня, – ты будешь хорошей хозяйкой?

– Ну, как тебе сказать. Пару раз в квартире обещаю прибраться. Чего тебе не сидится?

Даник потянулся куда-то в угол беседки, так, что моя голова на его коленях стала скатываться.

– Вот, смотри, – произнес он, и раздался хлопок, от которого я взвизгнула. В руках Даня держал бутылку шампанского.

– Ого! Откуда это у тебя?

– Папа дал для меня и тебя.

– А чего за столом мы компот пили?

– Мама против этого.

– Эти учителя такие ужасные зануды.

– И не говори. Так будешь?

Целый час мы просидели с Даником в беседке, пили шампанское и целовались. В звонкой тишине ночи наши кроткие шептания становились особенно проникновенными. Внезапно в прихожей зажегся свет и раздались голоса. Мама со Славиком собрались домой. Меня тоже ждали очень важные дела, поэтому я попрощалась с Даней страстным поцелуем и побежала к вышедшей на улицу маме.

Взявшись за руки, мама, Слава и я побрели домой по пустым темным улицам города. Я пребывала в прекрасном настроении. Праздник получился очень душевным. Глаза Дани, сияющие от счастья, трудно было не заметить. Даже отсутствие на дне рождения его отца не смогло омрачить день именинника. По дороге домой мы с мамой разговорились:

– Мама, мне нужно немного денег.

– Сколько?

– А сколько стоит билет до Державы?

Я не боялась намекать маме, в чем состоит мой секрет. Мама у меня слишком умная, чтобы не понять, кому предназначались деньги. Мне порой казалось, что она даже знает, кого именно я скрываю.

– Сто тридцать.

– Вот столько и надо, – сказала я.

– И тогда у нас не будет нашей тайны? – мама наклонилась ко мне голову и подмигнула.

– Да. Завтра мы освободимся от нее.

Зайдя домой, я осталась на пороге, а мама сразу двинулась

в спальню.

– На улице Бакунина, напротив аптеки, – слышался мамин голос, пока она искала деньги, – всегда стоит две машины. Там водители – два брата-близнеца. Первый их выезд в восемь утра, – она зашла в прихожую и протянула мне три бумажки, – они ездят через каждые три часа, но при наполненности машины пассажирами хотя бы наполовину. На первый рейс люди есть всегда.

Взяв от мамы деньги, я крепко обняла ее и помчалась из дома.словно марафонец с вестью о победе нашей армии, я неслась по бесшумным улицам, небрежно сжимая в руке купюры. Свернув с площади Свободы на улицу Революционеров, я ощутила покалывание в левом боку и сменила бег на быстрый шаг. За весь путь мне встретились лишь два человека: патрульный полицейский, крикнувший мне вслед, что слишком позднее время я выбрала для гуляния, и бродяга, специальным крюком на палке достающий из мусорного бака пластиковую тару. Горечь от скорого расставания с Антоном сейчас почему-то не удручала. Теперь меня переполняла радость от того, как сейчас я вбегу на чердак и протяну ему билет в его привычную жизнь. Он будет вспоминать меня всегда. Расскажет обо мне своим родителям, друзьям. Спустя много лет эта история приобретет статус некой легенды, которую услышат его дети и внуки.

Я вбежала в знакомый безлюдный двор. Единственная лампочка над подъездом покрывала блеклым желтоватым

светом скамейку, разрушенные детские качели и колонку. Возможно, мне не суждено будет больше увидеть этот одинокий двор. Я осторожно, создавая как можно меньше шума, поднялась по ступенькам. Когда я покидала дом, часы показывали полночь. Так поздно мне еще не приходилось навещать Антона. Дверь чердака протяжно заскрипела, и я очутилась внутри. Под окном, подсвеченный луной, стоял Антон с букетом в руках. Он сделал несколько шагов навстречу и вручил цветы. Это были пышные и невероятно ароматные ветки сирени.

– Ты с ума сошел! – вскрикнула я. – Ты выходил на улицу?

– Я ночью, когда никто не видел, – оправдывался он.

– Это ничего не меняет, – заявила я серьезно, но, вспомнив пустой двор, немного успокоилась, – ладно, я куплю у вас этот букет. Скажем, за сто пятьдесят.

В качестве благодарности за букет я потянулась на цыпочках и обвила его шею. Его руки легли мне на талию.

– Я достала деньги. Завтра в восемь выезжаешь, – негромко проговорила я ему на ухо.

Послышался нарастающий гул. Сперва показалось, что это над нами на большой высоте пролетает самолет. Но вдруг совсем рядом раздался страшный и громкий визг тормозов. Автомобили остановились у подъезда. Перепугавшись, я оттолкнула Антона в сторону и выбежала в подъезд к окну. Во дворе с включенными фарами стояло два военных черных автомобиля. Двери открылись. Из первого показалось

три темных силуэта. Из второго выскочили пять человек с автоматами наперевес. Тут же в подъезде хлопнула дверь и оглушительно затопали сапоги. Военные решительно поднимались вверх. Я вернулась на чердак, отшвырнула в сторону букет сирени, который все это время держала в руках.

– За тобой! – крикнула я.

Антон в несколько прыжков преодолел расстояние до окна и посмотрел вниз. Прыгать с пятого этажа было сродни самоубийству. Он взглянул на меня. В его взгляде читалась обреченность. Шаги становились все громче. Военные стремительно поднимались к нам. Я подбежала к груде стройматериалов и, схватив доску, подперла ей дверь. Только установив доску, ручка двери опустилась вниз, и кто-то попытался открыть дверь. Подпорка надежно заблокировала вход. Взвизгнув, я отбежала от нее и прижалась к Антону, который стоял под окном чердака как вкопанный. Он обнял меня двумя руками и с глазами, полными ужаса, продолжал смотреть на дверь, которая ходила ходуном от ломающихся внутри военных. Доска, ее подпирающая, казалось, вот-вот треснет. Внезапно все затихло. Ручка приняла исходное положение. В эти пару мгновений тишины я стала нашептывать мольбы о помощи. Чтобы пришел мой папа и освободил меня. Чтобы мне дали сказать хотя бы слово до того, как выстрелят.

Раздалась громогласная автоматная очередь. Дверь на глазах разлеталась в щепки. В ужасе я согнулась до самого пола, закрыла обеими руками уши и зажмурилась. Антон, на-

оборот, высвободившись от меня, сделал шаг вперед. Дальше были слышны последние удары военных по разваленной двери, и та с грохотом упала на пол. Подняв голову, я увидела, как Антон сделал еще пару твердых шагов ближе к двери. Как только первый военный, высокий и широкоплечий, сделал шаг через порог, Антон с нечеловеческим криком бросился на него. Широко размахнувшись, военный зарядил прикладом в голову Антону, и тот навзничь повалился на пол. С его лба тонкой струйкой стала литься темная кровь. Антон, бывший еще в сознании, но неспособный двигаться, смотрел на меня мутными глазами. На чердак сразу вбежали еще четверо военных в форме со взведенными автоматами. Трое уткнули оружия в затылок Антону. Последний забежавший солдат направил автомат точно в меня. Я продолжала сидеть на полу, закрыв голову руками, и с диким испугом смотреть на уставленное в мою сторону оружие.

На чердак зашли еще трое. Первым широким решительным шагом в длинном плаще, с фонариком в левой руке и пистолетом в правой вошел мой папа. Он взглянул на неподвижно лежавшего на полу Антона. На его озлобленном лице промелькнула ехидная ухмылка. Затем мощный свет фонарика ударил мне в глаза, так что я закрыла лицо рукой.

– Товарищ подполковник, это ваша, – начал говорить ему автоматчик, у которого я была на прицеле.

– Я вижу, – грозно перебил его отец.

– Папа, не убивай его! – закричала я, поднимаясь с колен.

Лежащий без движения Антон перевел взгляд на меня. Он хотел что-то сказать, но тут же получил второй удар прикладом в области шеи. Антон издал истошный вопль и замолчал. Обезумевшая, я побежала в объятия отца.

– Не убивай его, – вновь произнесла я, рыдая.

Папа едва ощутимо обнял меня и затем скомандовал:

– Забирайте его и уезжайте! Я останусь здесь.

Военные подхватили потерявшего сознание Антона и выволокли из чердака. Папа провел меня к окну и усадил на балку. Затем он сел рядом, спрятал пистолет за пазуху, выключил фонарик и тихим голосом проговорил:

– Я хочу от тебя услышать все. От вашей встречи до этой минуты.

Раздался рев автомобилей. Через мгновение машины увезли Антона. Я рассказала папе, как нашла умирающего человека здесь, на чердаке, когда пришла сюда смотреть казнь, как выхаживала его, поила и кормила, как готовила к побегу. Я решила не упоминать о маминой тихой помощи, взяв весь удар на себя.

– Откуда деньги? – проницательно спросил он.

– Накопила на обедах, – растирая покрасневшиеся глаза, соврала я.

Мне было стыдно смотреть папе в глаза. Папа повернул мою голову к себе и спросил:

– Ты знала, кто он?

– Летчик Державы, – ответила я.

– Он вылетал на казни. Ты знала об этом?

– Да. Он говорил. Он два раза вынужденно выполнял вылеты. Но он никого не сбрасывал и не взрывал! – стала я его оправдывать.

– Это он тебе сказал? – спросил папа и, не дождавшись ответа, продолжил: – В узких кругах он национальный герой. Его восхваляют там. Твой Антон выполнял все рейсы к нам на площадь за исключением последнего. Он – главный палач нашей страны. Отчасти с его пленом связано то, что последний год не происходило ни одной казни. Никто не соглашался на такое, – видя, как по моим алым щекам заструились слезы, папа взял меня за руку, – все первые три года войны у штурвала самолета сидел только он. Когда он осуществил свою первую казнь, ему не было еще и двадцати.

– Этого не может быть, – захлебываясь, произнесла я.

– Твой Антон пролетал над нашей площадью и нажимал всего две кнопки. Одна включала таймер бомбы, вторая сбрасывала пленников. Никого в самолете с ним больше не было. Только он и пленники. Помнишь соседа нашего, Бориса Глебовича? Это он убил его два года назад. Как и еще несколько десятков людей за все время.

– Как вы меня нашли? Меня сдала, – я хотела сказать про маму, но вовремя остановилась.

– Про Антона и помогающую ему девочку рассказал дед с этого подъезда.

– Он ведь тоже помогал ему.

– Да, помогал. До того самого момента, пока не узнал, кого в действительности он прячет. Антон, находясь в бреду, проговорился о своей настоящей профессии. Приведя в чувства, дед разузнал у него, кто же он на самом деле. Узнав правду, он решил больше не подниматься к нему, надеясь, что он сам умрет от изнеможения. Но тут появилась ты и спутала все карты.

Я сидела окончательно обессиленная. Мой друг оказался ужасным человеком. Мой друг оказался убийцей. Настоящим злодеем. Но самое жуткое, что он был счастлив от того, чем занимался. Как же он искусно маскировался! Папа двумя поцелуями выпил мои слезы на щеках. Беззвучно рыдая, я упала в его большие руки. Папа подхватил меня, словно маленького ребенка.

– Почему раньше никто не говорил, кого взяли в плен и кто сбежал?

– Мы точно не знали, кто он на самом деле. Держава всячески скрывала, что их главный палач взят в плен. Сейчас нам точно это известно.

– Он сейчас же этим не занимается, – негромко выговорила я.

– Да. Теперь занимается кто-то другой, – папа глубоко выдохнул и добавил: – Завтра казнят отца Даника. Юля, дяди Никиты скоро не станет. Его сегодня взяли в плен и завтра уже казнят.

– Как? – у меня перехватило дыхание.

Папина рука потянулась в карман, откуда он достал листовку. Стандартная «афиша» о предстоящей казни. По центру темно-серого листа было выведено жирным шрифтом «один из первых, кто виноват во всех ваших бедах. Давидовский Никита Александрович, более знакомый как просто “Давид”».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.